

РУССО-ПОЛЬСКІЯ ВЕЛЬМОЖИ.

Статья первая.

=

Едва ли въ какомъ европейскомъ государствѣ положительная аристократія достигала такого самовластія, какъ въ Польшѣ. Магнаты Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго имѣли въ рукахъ всю правительственную власть, обладали огромными имѣніями, неограниченно повелевали подданными, содержали свои войска и часто рѣшали дѣла оружіемъ и силою. Бопланъ говоритъ о власти ихъ съ удивленіемъ, увѣряя, что они были просто не подсудимы и могли дѣйствовать по произволу. Многіе изъ нихъ происходили изъ вѣнценосной крови Пястовъ, Св. Владиміра и Гедимины; другіе жъ отъ древнихъ сподвижниковъ ихъ; иные собственными заслугами и, особенно, военными подвигами проложили себѣ путь къ возвыщенію и пріобрѣли богатые имѣнія и титулы. Неоспоримо то, что большая часть изъ тѣхъ, которые жили въ Великомъ Княжествѣ, были Русскіе по крови и по вѣрѣ, въ старину храбро и ревностно стояли за честь своего отечества и неприкосновенность православія, напоминая польскимъ королямъ, что русскій народъ соединился съ поль-

скимъ, какъ равный съ равнымъ, вольный съ вольнымъ, — а дѣти ихъ и внуки, принявши польскіе нравы и обычаи, перешли наконецъ въ католичество и сдѣлались врагами своей вѣры, родины и единокровнаго народа.

І. КНЯЗЬЯ ОСТРОЖСКІЕ.

Родъ князей Острожскихъ происходитъ отъ знаменитаго князя Романа Галицкаго, отца Даніилова. Братъ перваго короля русскаго, Василько, имѣлъ сына Даніила, и оставилъ ему въ наслѣдіе огромныя владѣнія въ юго-западной Россіи. Тогда на Русь, по грѣхамъ предковъ, какъ говорятъ лѣтописцы, *усобища братій на поганья погиге*, и Галиція, Овлынь, Подоль — пали въ руки Поляковъ-ино-вѣрцевъ, хотя и одноплеменныхъ. Казиміръ, завладѣвъ этими землями, оскорблялъ Греко-восточную вѣру и стѣснялъ права Русскихъ. Внукъ Романовъ, собравши славою своею другихъ князей, пригласилъ Татаръ и вступилъ въ Польшу, ища освобожденія. Опустошивши Сендомирскую область, насытившись местию надъ Поляками, русскіе князья воротились, и не надѣясь справиться съ Казиміромъ, помирились съ нимъ. Ничего было дѣлать и Даніилу: онъ также помирился съ королемъ, который утвердилъ въ вѣчномъ его владѣніи Острогъ, Дубно, Заславъ и другія мѣстечки, — съ тѣхъ поръ князь принялъ титулъ Острожскаго. Легко было заключить такой миръ въ то время: князья, подчиненные польскому престолу, могли свободно управлять своими владѣніями, и считались только для вида вассалами короны, но въ самомъ дѣлѣ были независимы, изъ чего и развилась польская аристократія.

Даніилъ скончался въ 1349 году. Сынь его Василій извѣстенъ только по имени; но внукъ Федоръ Васильевичъ Острожскій извѣстенъ и по дѣламъ. Услыша о притѣсненіи вѣры и правъ русскаго народа королемъ Владиславомъ Ягеллономъ, онъ принялъ сторону сверженнаго брата его Скергеямы, выступилъ съ сильнымъ войскомъ, разбивалъ нѣсколько разъ Поляковъ и взялъ городъ Смотричь. Потомъ былъ разбитъ, въ свою очередь, но не упалъ духомъ, и въ другой разъ настигъ Поляковъ при рѣчкѣ Моравкѣ; но полковникъ Кѣвличъ зашелъ Русскимъ въ тылъ и, ударивъ на нихъ неожиданно, принудилъ отступить, а многихъ положилъ на мѣстѣ. Однако и здѣсь Федоръ Васильевичъ не потерялся: на слѣдующій годъ покорилъ Луцкъ и Каменецъ-Подольскъ и разбилъ высланнаго противъ него воеводу. Онъ столько же былъ ревностнымъ православнымъ, какъ и патриотомъ: строилъ церкви и приписывалъ къ нимъ имѣнія.

Сынь Федора, Василій, прозванный, какъ говоритъ Муганшъ, Краснымъ, старался отклонить Казимира IV отъ принятія польской короны и не допустить Литву соединиться съ Польшею. Онъ былъ дважды женатъ, и обѣ жены принесли ему въ приданое большія имѣнія. У него было два сына Юрій и Іоаннъ: первый получилъ отъ отца Заславъ, и сталъ родоначальникомъ дома Заславскихъ; другому достался Острогъ. Стрыковский повѣствуетъ о знаменитыхъ дѣяніяхъ послѣдняго: въ 1453 году, Татары напали на Украинну и произвели въ ней опустошенія, потомъ, набравши множество плѣнниковъ и добычи, бежали во свояси; но Острожскій напалъ на нихъ съ своими рыцарями подъ Красновымъ, побѣдилъ, а плѣнникамъ воротилъ свободу. Отъ супружества его къ княжною Глинскою,

кроме двух дочерей, родился сынъ Константинъ Ивановичъ, извѣстнѣйшій изъ всѣхъ Острожскихъ.

Съ юныхъ лѣтъ оказалъ онъ блестящія способности, которыя замѣтилъ Петръ Ивановичъ Бѣлый, воевода троцкій и великій гетьманъ литовскій. Чувствуя приближеніе смерти, онъ бесѣдовалъ съ великимъ княземъ Александромъ о томъ, кто достоинъ носить булаву послѣ него. Великій князь обѣщалъ согласно съ его желаніемъ назначить преемника. Бѣлый указалъ на Константина, отзывался о немъ съ большими похвалами, и возбудилъ къ нему благоволеніе Александра. По смерти Бѣлаго въ 1499 году, Константинъ вступилъ въ его должность, взялъ подъ свое начальство все литовское войско, и оправдалъ предсказанія старика. Польскіе историки признаютъ, что никто, ни прежде, ни послѣ него, не прославилъ такъ сана великаго гетьмана литовскаго. Онъ выигралъ тридцать три сраженія, а проигралъ только два, говоритъ краткій, но сильный Несецкій. Одна изъ сихъ несчастныхъ для Острожскаго битвъ была противъ Москвитянъ знаменитая ведрожская. Литовскихъ войскъ было только четыре тысячи, а московскихъ, подъ начальствомъ Даниила Щени, сорокъ тысячъ: вступили въ сраженіе, — Литовцы были разбиты, а Острожскій со многими знаменитыми дворянами взятъ въ плѣнъ. Іоаннъ III напоминалъ ему объ его русскомъ происхожденіи и уговаривалъ присягнуть Москвѣ: Острожскій отвергнулъ предложеніе. Іоаннъ началъ ему грозить: Острожскій презиралъ угрозы. Его бросили въ темницу. Острожскій сидѣлъ, лишенный дневнаго свѣта, но не соглашался на требованія московскаго князя: оставить еретика латинскаго и служить государю православному.

Потомъ его вывезли изъ Москвы и сослали въ Вологду, гдѣ онъ жилъ подъ стражею, кормимый изъ состраданія, наконецъ—онъ присягаетъ Іоанну. Великій князь даритъ ему имѣнія, осыпаетъ милостями и высылаетъ на войну противъ Татаръ. Острожскій разбиваетъ враговъ московскаго государства и возвращается съ торжествомъ въ Москву. Не извѣстно, тоскуя ли по родинѣ, и вспоминая благодѣянія Александра, или огорченный чѣмъ-нибудь отъ Іоанна, Острожскій ушелъ тайно изъ Москвы съ своимъ слугою, переодѣвшись въ платье поселянина. Провзжая въ воскресный день мимо церкви, въ одномъ селѣ, набожный князь остановился, и пусть слугу впередъ, самъ вошелъ къ обѣднѣ. Вдругъ за нимъ летитъ погоня. Никому не пришло въ голову искать Острожскаго въ церкви; искали его по дорогѣ—не нашли; спрашивали у жителей—никто не зналъ Литвина въ лицѣ. Повхали далѣе, именно по той дорогѣ, куда отправился слуга. Обѣдня кончилась. Константинъ вышелъ изъ церкви; слышитъ: говорятъ, что Острожскій ушелъ изъ Москвы, что за нимъ послана погоня. Пользуясь недоумѣніемъ, никѣмъ незамѣченный, онъ садится на лошадь и отправляется по другой дорогѣ на Дорогобужъ и Лопатинъ. Трудно было бѣгство князя: на каждомъ шагѣ онъ остерегался погонн, но, избѣгнувъ ее, ступилъ наконецъ на литовскую землю и, къ величайшему удивленію и радости великаго князя, прибылъ въ Вильну, принять съ большимъ торжествомъ, получилъ обратно свое гетьманство и, сверхъ того, пожалованъ маршаломъ волинскимъ, старостою луцкимъ, вильнецкимъ, брацлавскимъ, какъ видно изъ подписи на грамотѣ Сигизмунда 1-го, давшего привилегію Руси. Въ 1516 году,

Константинъ отплатилъ Москвѣ за притѣсненія и насильственную присягу: подъ Оршею было разбито восемьдесятъ тысячъ русскаго войска московскаго князя Василя, изъ которыхъ сорокъ тысячъ легло на мѣсть.

Сигизмундъ, желая почтить Константина особенною своею милостию, назначилъ ему торжественный въѣздъ въ Вильну: честь, которой никто еще не достигалъ. Кромѣ того, онъ получилъ воеводство троцкое и мѣсто въ сенатѣ, за что многіе польскіе вельможи были недовольны, боялись его силы, власти и богатства, и называли такое возвышеніе *схизматика* нарушеніемъ ихъ аристократическихъ правъ. По свидѣтельству Кояловича, Сигизмундъ пожаловалъ ему еще должность кастеляна виленскаго. Не менѣе знамениты его побѣды надъ Татарами, противъ которыхъ онъ всегда мужественно защищалъ свое отечество. Въ 1511 году отразилъ ихъ двадцати-четырехъ-тысячный набѣгъ подъ Висьнѣвцемъ; въ 1516 поразилъ ихъ подъ Слуцкомъ, гдѣ показалъ свое военное искусство и смѣлость, разогнавши три ихъ отряда разомъ; двадцать тысячъ легло ихъ подъ Конёвымъ; не менѣе пострадали они отъ меча Острожскаго подъ Бускомъ, гдѣ въ глазахъ Константина растерзанъ былъ родной его племянникъ Романъ. Въ 1519 году, на несчастномъ сраженіи подъ Соколомъ, Острожскій едва успѣлъ спасти остатки своего войска, но отомстилъ Татарамъ блестящими побѣдами на Волини. Въ то время Украина безпрестанно терпѣла отъ набѣговъ этихъ дикарей; и такой полководецъ, въ самомъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, былъ драгоцененъ своему отечеству.

Острожскій, кромѣ военныхъ знаній и храбрости, отличался добрымъ сердцемъ, былъ благороденъ въ своихъ поступ-

кахъ, милостивъ къ плѣнникамъ и ласковъ къ подчиненнымъ. Онъ скончался въ 1533 году и погребенъ въ кіевопечерской лаврѣ, гдѣ до сихъ поръ хранится его гробница.

Старшій сынъ его Ілія, подававшій въ началъ блестящія надежды, погибъ раннею смертію, пораженный, на придворномъ свадебномъ турнирѣ, королевичемъ Сигизмундомъ-Августомъ. Онъ уже былъ женатъ и оставилъ дочь Елисавету, которой жизнь можетъ служить основою для романа. Константинъ, меньшой его братъ, получилъ наслѣдіе отца и поддержалъ славу своего дома военными подвигами, но еще болѣе-того роскошною жизнію, гостепріимствомъ, покровительствомъ наукъ и приверженностію къ православію и родинѣ. Хотя онъ былъ приученъ еще отцемъ своимъ къ войнѣ съ Татарами, но, послѣ смерти его, самъ рѣдко выходилъ въ поле, а высылалъ противъ нихъ войско, всегда готовое отразить варваровъ во время ихъ опустошительныхъ вторженій. Только въ 1573 году, онъ самъ выходилъ противъ Татаръ, и тогда же ротмистръ его Ярмолинскій разорилъ цѣлой кошъ ихъ; а въ 1577 году, триста отборныхъ всадниковъ истребили на Волыни пять тысячъ Татаръ, но, внезапно окруженные новыми превосходящими ихъ силами, они всѣ до одного пали на сраженіи; между тѣмъ подъ Душномъ отряды Острожскаго спасли князя Соломирскаго, праздновавшаго свое бракосочетаніе съ княжною Дульской. Константинъ Константиновичъ высылалъ своихъ ратниковъ на помощь Стефану Баторію противъ Московитянъ, а самъ съ сыномъ своимъ Янушемъ вторглся въ Сѣверскую область. Гетьманъ малороссійскій Подкова имѣлъ въ своихъ рядахъ его воиновъ при завоєваніи Волошкаго Господарства.

Но Острожскій преимущественно прославился на мирномъ поприщѣ: онъ любилъ науки, основывалъ школы, гдѣ преподавались древніе языки, завелъ типографію въ Острогѣ, заботился о напечатаніи и распространеніи нужныхъ книгъ и, наконецъ, самъ писалъ разныя сочиненія, между которыми замѣчательны окружныя посланія противъ уніатовъ, въ которыхъ онъ убѣждалъ православныхъ *не прельщатися, не крѣпко стояти, вооружившися, не дающе плечь, рекше тыла, врагу, просице отъ Бога помощи, яко да сокрушитъ сатану подѣ ноги наша*. Онъ былъ чрезвычайно богатъ—имѣнія его приносили ему ежегоднаго дохода 1,200,000 р.,—и щедръ: двѣ тысячи бѣдныхъ шляхтычей содержались на его иждивеніи и, въ мирное время, курили ему оѣмѣямъ лести, а въ случаѣ надобности, принимались за кривыя сабли и гусарскій коня въ честь герба своего патрона. Острогъ, столица сенатора и воеводы, удивлялъ всѣхъ великолѣпіемъ, обширностію, устройствомъ заведеній и промышленностію; а замокъ, гдѣ жилъ магнатъ, окруженный покорными кліентами, безпрекословно исполнявшими волю сильнаго покровителя, кипѣлъ множествомъ веселыхъ гостей, привлекаемыхъ изъ Украйны, Литвы и Польши радушнымъ пріемомъ хозяина. Туда съѣзжались старые паны роптать на Сигизмунда и вздыхать о прошедшей буйной вольности, когда можно было свободнѣе грабить проезжающихъ и разорять города и села своихъ противниковъ; туда прилетали на борзыхъ коняхъ и молодые рыцари, въ блестящихъ кунтушахъ съ закидными назадъ вылѣтами, танцовать съ панънками и расточать клятвы въ готовности на всѣ подвиги за одинъ поцалуй нѣжной ручки: всѣхъ оживляли ла-

ски старика, блиставшаго въ сонмѣ вельможныхъ потомковъ Владиміра и Гедимина во всемъ простодушномъ величїи гостепріимнаго Славянина. Тогда высокія залы замка гремѣли музыкаю; среди безчисленнаго множества разноцвѣтныхъ огней ярко горѣлъ гербъ вельможи; по длиннымъ переходамъ суетились тысячи служителей съ душистыми яствами на серебрянныхъ блюдахъ и бутылками столѣтняго венгерскаго. Но когда наступалъ постъ, приходило время покаянія и молитвъ, — все утихало: вмѣсто игривыхъ панталонокъ и храбрыхъ рыцарей, являлись черные монахи съ тонкими лицами и, въ сопровожденїи ихъ, князь оставлялъ свой пышный замокъ, удалялся въ построенный имъ дубенскій монастырь, снималъ съ себя дорогія одежды, одѣвался въ рубище и проводилъ дни великаго поста въ неусыпныхъ молитвахъ, бдѣнїи и трудѣ. Въ церквахъ, построенныхъ имъ, были особенныя мѣста, гдѣ онъ могъ молиться, скрывшись отъ народа: такъ онъ былъ набоженъ. Но этимъ не ограничивалось его благочестіе;—онъ отличался и дѣлами милосердія: строилъ госпитали и дома для призрѣнія бѣдныхъ; тысячи лишенныхъ пристанища одолены были ему пищею, одеждою и спокойствіемъ. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ жаромъ возставалъ онъ противъ уніи; народъ читалъ съ умиленіемъ его краснорѣчивыя посланія; и между-тѣмъ, князь подавалъ протестаціи на сеймъ, и даже, послѣ брестскаго собора, гдѣ обнародована унія, собралъ свои войска, и готовился выступить противъ правительства. Но все кончилось ничѣмъ. Конечно, Острожскій, принявши польскіе нравы, не терялъ любви къ своей вѣрѣ и родинѣ, но есть причины думать, что и онъ прежде отчасти колебался. Сохранилось письмо къ нему отъ

князя Курбскаго, въ которомъ изгнанникъ упрекаетъ его въ связяхъ съ іезуитами; онъ имѣлъ сношенія съ извѣстнымъ Поссевиномъ и, притомъ, гнѣвался на Ипатія Поцея, что тотъ ѣздилъ въ Римъ *безъ его вѣдома*: это обстоятельство даетъ поводъ думать, что если привязанность къ религіи была сильна въ князѣ, то унія не менѣе оскорбляла его честолюбіе.

Константинь Константиновичъ, проживши около ста лѣтъ, скончался въ 1606 году, и оставилъ трехъ сыновей: Януша, Константина и Александра. Старая княгиня, тотъ-часъ послѣ смерти мужа, приняла католическую вѣру.

Старшій сынъ, Янушъ, въ молодости посланъ былъ отцемъ ко двору нѣмецкаго императора для образованія. Тамъ окружили его католическіе священники, растолковали ему все, по ихъ словамъ, заблужденія *греческаго раскола*, и увѣрили его, что только одна римско-католическая вѣра есть истинно-христіанская, — и молодой русинъ, подстрекаемый еще и товарищами, отрекся отъ православія и повѣрилъ всею душою въ святость папы. Воротившись на Русь, Янушъ былъ встрѣченъ гнѣвомъ отца: старшій Острожскій задрожалъ отъ ужаса, узнавши, что его сынъ-первенецъ уязвился *прелестію латинскою* и отступилъ отъ вѣры предковъ. Посыпались угрозы, проклятія, слезныя моленія — ничто не помогало: Янушъ увѣрялъ, что самъ Богъ просвѣтилъ его темныя очи. Тогда отецъ заперъ его въ тѣсной комнатѣ, отдавши отъ всѣхъ придворныхъ, строго запретилъ входить къ нему и посылалъ каждый день русскаго священника для убѣжденія. Какъ не истощалъ своего краснорѣчія этотъ священникъ братъ

гетмана Наливайки, какъ не доказывалъ ему всеми доводами, какіе находилъ въ старыхъ книгахъ, — Янушъ не поколебался и только восхвалялъ божественность истинъ римско-католической религіи. Такъ прошло около года. Тогда отецъ, видя, что нельзя принудить Януша *вознести хулы* на католичество, какъ говорить Янчинскій, — призываетъ его къ себѣ и велитъ съ нимъ ѣхать. Янушъ повиновался. Константинъ взялъ меньшаго сына Александра, и всѣ трое отправились въ Дубно. Приѣхали въ одно мѣстечко; пришла пора ужинать. «Александръ, говоритъ старикъ меньшому сыну, ты садись за столъ со мною: ты мой сынъ; а ты, отступникъ, ужинай и спи съ холопами!». Янушъ поблагодарилъ родителя и съ радостію принималъ такое приказаніе, будучи увѣренъ, что терпитъ за правду. Пришла ночь; Янушъ спалъ въ людской на голой землѣ; вдругъ въ полночь является отецъ, становится надъ сыномъ и говоритъ: «сынъ недостойный, ты не долженъ жить на свѣтѣ!» и съ этими словами старикъ поднимаетъ надъ нимъ саблю. Янушъ просыпается, смотритъ на отца и говоритъ ему спокойно: не ужели, любезный родитель, теперь омочешь въ крови моей мечъ, которымъ ты на столькихъ битвахъ разилъ враговъ отчизны! — «Ты измѣнилъ вѣрѣ, предатель!» воскликнулъ Константинъ. — Руби мою голову, сказалъ Янушъ, подставляя въ самомъ дѣлѣ свою голову подъ мечъ, — познай, что я умираю католикомъ, за вѣру католическую; и ежелибъ у меня было тысяча жизней, я всѣ бы отдалъ за нее! — Отецъ горько вздохнулъ, опустилъ мечъ, заплакалъ, покачалъ головою и отошелъ. Утромъ зовутъ Януша къ отцу. «Иди, недостойный, говоритъ ему старикъ,

прочъ съ глазъ моихъ; иди въ Австрію, гдѣ ты потерялъ св. вѣру.» Янушъ повиновался.

Такая безропотная покорность родительской волѣ въ другой разъ вызвала чувство старика: опять слезы показались изъ глазъ его; онъ смягчился, давалъ ему наставленія въ изученіи рыцарской науки и, прощаясь, сказалъ: «если такъ, то, по-крайней-мѣрѣ, не измѣняй роднымъ обычаямъ; ищи себѣ друзей между Поляками и Венграми, но не дружись съ Нѣмцами!» Такимъ образомъ князь былъ смягченъ дѣтскою покорностію: гнѣвъ православнаго уступилъ мѣсто ненависти Славянина. Польскіе вельможи знали превосходство надъ собою Нѣмцевъ во всемъ, что касалось до образованности, но гордились своимъ славянскимъ происхожденіемъ и, съ жадностію принимая плоды европейскаго просвѣщенія, дорожили своею національнію, помня старую пословицу:

Póki swiat swiatem,

Polak Niemcowi nie będzie bratem.

Янушъ отправился въ Австрію, гдѣ былъ принятъ съ восторгомъ: узнали объ его твердости, о насиліяхъ, какія онъ терпѣлъ отъ отца, осыпали его похвалами. Поучившись еще нѣсколько лѣтъ военному искуству, Янушъ возвратился на родину, гдѣ показалъ плоды своего ученія: укрѣпилъ превосходно отцовское Дубно и отразилъ отъ него Татаръ. Послѣ того, онъ участвовалъ съ отцемъ въ набѣгѣ на съверскую область Московскаго Государства и въ пораженіи Косинскаго подъ Пяткомъ. Изъ этого видно, что онъ помирился съ старикомъ; но Ячинскій рассказываетъ слѣдующій анекдотъ: изъ Заслава до Сокола, мимо Острога, шла католическая процессія; вдругъ навстрѣчу—

Наливайко съ своими козаками. Козаки въ насмѣшку ропустили, передразнивая католическія хоругви, лисьи хвосты и тряпки и прерывали священныя пѣсни неистовыми криками. Янушъ написалъ къ отцу письмо, въ которомъ просилъ наказать виновныхъ, но, не получивъ отвѣта, написалъ и другое, на которое также не было удовлетворенія. Богъ, говорятъ ксѣндзы, наказалъ стараго схизматика: всѣ лѣса острожскіе, куда шла процессія, сгорѣли, а къ заславскимъ пламя не коснулось, хотя они были съ ними смежны.

По смерти отца, Янушъ свободно предался своему католическому фанатизму. Въ Константиновѣ, главномъ его наслѣдіи, явился доминиканскій монастырь, къ которому причислены двѣ православныя деревни—Ирки и Приворковка; въ Межерницѣ—костѣль и монастырь францискановъ, а въ Тарновѣ принисана была деревня для мансіонаровъ, также и другимъ костѣламъ и монастырямъ подарены были деревни. Кромѣ того, для извѣстной части своихъ владѣній, Янушъ составилъ такъ называемую ординацію, назначивъ, чтобы имѣнія, подлежащія ей, не дѣлились, но переходили къ старшимъ наслѣдникамъ мужескаго пола и непременно католической вѣры, съ условіемъ доставлять отечеству по триста всадниковъ и триста пѣшихъ на каждую потребу. Янушъ умеръ воеводою волынскимъ, каштеляномъ краковскимъ, старостою владимірскимъ, черкасскимъ, переяславскимъ, бѣлоцерковскимъ, канѣвскимъ, богославскимъ, не оставивъ по себѣ наслѣдниковъ мужескаго пола. Этотъ князь участвовалъ въ рокошѣ противъ короля Сигизмунда, но вскорѣ покорился ему.

Другой братъ его, Константинъ, кравчій литовскій и староста владимірскій, принявшій католичество еще прежде брата Януша, былъ, подобно ему, гонимъ отцемъ и умеръ не женатымъ, 35-ти лѣтъ отъ роду. О немъ разсказываютъ занимательную мистерию: когда ему было 18 лѣтъ, тогда, во снѣ, явился ему старикъ, въ бѣлой одеждѣ, съ длинною бородой. Константинъ изумился и началъ съ любопытствомъ разсматривать явленіе. Старикъ сказалъ ему: «вижу, что тебѣ пріятно смотрѣть на меня, но, по-истинѣ, ты этого недостойнъ, потому что живешь не по Божіему закону.» Сказавши эти слова, исчезъ. Константинъ не тронулся видѣніемъ и продолжалъ жить своевольно. Чрезъ 12 лѣтъ, является ему тотъ же старикъ и говоритъ: «Узналъ ли ты меня, Константинъ?»—Узналъ, отвѣчалъ тотъ. «А зачѣмъ же ты до сихъ поръ лежишь въ тинѣ грѣховной? Доколь будешь умножать грѣхи свои? Знай, что тебѣ остается жить только три года; старайся исправиться; возврати къ себѣ милосердіе Божіе и приготовляйся къ смерти.» Встревоженный таинственнымъ сномъ, Константинъ призвалъ къ себѣ духовника, перемѣнилъ образъ жизни и всѣ три года думалъ только о томъ, чтобъ заслужить милосердіе Божіе. По истеченіи трехъ лѣтъ, во время великаго поста, онъ вдругъ захворалъ, со-дня-на-день усиливалась бользнь. — И вотъ, въ субботу предъ вербнымъ воскресеніемъ, старикъ является: «завтра въ двѣнадцатомъ часу ты умрешь, Константинъ!» Константинъ принялъ св. Тайны, и, на другой день, скончался. Бывшіе при его кончинѣ увѣрили, что они видѣли старца на воздухѣ съ простертыми къ небу руками, который тогда только исчезъ, когда князь испустилъ дыханіе.

Третій сынъ Константина Константиновича, Александръ, воевода вольинскій, вмѣстѣ съ отцемъ защищалъ православіе противъ уніатовъ и остался до смерти православнымъ. Онъ умеръ въ 1603 году. Старшій сынъ его погибъ подъ Тарнополемъ въ сраженіи съ Татарами; второй умеръ въ молодости; о третьемъ рассказываютъ, что онъ, будучи православнымъ, вздумалъ стрѣлять въ книгу, гдѣ описано житіе католическихъ святыхъ, и попалъ въ слово *смерть*, которая его и постигла. Двѣ старшія дочери его вышли замужъ: одна за Любомирскаго, другая за Оому Замойскаго; меньшую же Анну постигла другая участь. Съ юныхъ лѣтъ она получила наклонность къ религіозности: читала священныя книги, разговаривала о духовныхъ предметахъ, боялась на каждомъ шагѣ согрѣшнить, и хотѣла рѣшительно отказаться отъ свѣта. Мать подкрѣпляла ее въ этомъ, и слѣдствіемъ такого расположенія было отступленіе отъ греко-восточной вѣры и принятіе католицизма. Когда отецъ ея скончался, православное духовенство похоронило его въ церкви; но Анна, желая, по крайней мѣрѣ, по смерти, освятить родителя, приказала перенести прахъ его въ костѣль. Священники воспротивились, а исповѣдывавшіе греко-восточную религію, считая для себя оскорбленіемъ, если прахъ послѣдняго православнаго ихъ князя будетъ поконтъся въ церковь чуждаго закона, возмутились, но ихъ усмирили, и трибуналь осудилъ ихъ на разныя казни: вѣшать, четвертовать, колесовать, а дома *раскольниковъ* приказано сжечь, и мѣсто, гдѣ они стояли, посыпать пепломъ. Когда насталъ день казни, и осужденные ждали смерти, княжна простила ихъ и велѣла разойтись по домамъ. По какимъ-то обстоятельствамъ, Анна вышла замужъ за извѣстнаго гет-

мана Ходкевича; но дала ему руку съ тѣмъ, чтобы онъ не нарушалъ ея дѣвства. Ходкевичъ вскорѣ былъ убитъ подъ Хотиномъ.

Молодая вдова — дѣвица сдѣлалась предметомъ иска-тельствъ знатнѣйшихъ особъ и, въ томъ числѣ, короле-вича Владислава. Чтобы избавиться отъ земныхъ иску-шеній, Анна сбросила съ себя драгоценныя одежды, об-лечлась въ рубище и обрекла себя посту и дѣвству. У подножья распятія ей слышался голосъ: «отцитись отъ міра». Такъ говорили члены той секты, къ которой принадле-жала Торквимада. И вотъ Анна отцитилась отъ міра: Ост-рогъ, гдѣ цвѣла православная вѣра, пріютъ гонимыхъ дѣ-тей греко-восточной церкви, сталъ пристанищемъ католи-ческихъ монаховъ; изъ него было изгнано около сорока православныхъ священниковъ; жители насильно были обра-щаемы въ католическую вѣру или унию; православныя школы запусътили, — вмѣсто ихъ явились іезуитскія коллегіи; благочестивыя церкви обращены въ костѣлы. Дворъ ея, нѣкогда шумный, сдѣлался жилищемъ ксѣнзовъ и молча-ливыхъ женщинъ. Всѣ должны были ходить съ постнымъ лицомъ, довольствоваться скудною пищею; никто не смѣлъ засмѣяться, пошутить, — владѣтельница сама за всѣмъ под-сматривала и тотъ-часъ посылала къ виновному ксѣнза для убѣжденія. Случалось, что сами ксѣнзы, какъ ни искусно умѣли притворяться, не избѣгали ея прозорливыхъ глазъ, и сносили строгіе выговоры.

Въ высокихъ залахъ, гдѣ прежде раздавалась музыка и шумѣли танцы, теперь сидѣли покорныя шляхтянки, собранныя со всѣхъ сторонъ набожностію Анны: всѣ занимались работою для костѣловъ, шили церковныя

одежды, или слушали отъ княжны правило св. Игнатія. Всѣ часы во днѣ, дни въ мѣсяцахъ, десятки дней въ годахъ — имѣли у ней особенное значеніе и были посвящены на особенныя молитвы и подвиги. Домовая церковь день и ночь была отворена. Анна слушала по нѣскольку обѣдней каждый день, причащалась каждой праздникъ; а на страстной недѣлѣ въ четвергъ Анна собирала убогихъ и мыла имъ ноги; въ великую пятницу обходила босикомъ плащаницы и, ложась крестообразно, обливала слезами землю. Госпиталь, построенный еще дѣдомъ ея, былъ распространенъ; часто сама княжна ходила постигать больнымъ постели, подавала имъ изъ своихъ рукъ пищу. Во время голода въ 1638 году, она кормила не только своихъ подданныхъ, но и чужихъ; за иныхъ уплачивала долги, другихъ избавляла отъ наказанія. Хотя Анна жила въ замкѣ, но, по словамъ іезуита, не любила, если ее величали. Рассказываютъ, что однажды она исповѣдывалась у незнакомаго священника, который у ней спрашивалъ то, чего бы не осмѣлился спросить, еслибъ зналъ, что она княгиня. Анна на все отвѣчала съ смиреніемъ. Когда священникъ спросилъ ее: «какъ тебя зовутъ?» она отвѣчала: Галька. «Ты дѣвка?» Дѣвка. «Откуда ты?» изъ предмѣстія. Все это, съ удивленіемъ восклицаютъ іезуиты, была истинная правда: ее звали Анною, она сохранила дѣвство и жила въ ярославскомъ предмѣстіи, въ домѣ отца своего. Примеромъ ея ума и живости можетъ служить происшествіе, случившееся въ Познани: одинъ краснорѣчивый прелатъ говорилъ проповѣдь; Анна съ негодованіемъ вышла, не дослушавши оной, чего съ ней прежде не бывало. Какой советъ, говорила она, можетъ онъ мнѣ дать о спа-

сеніи души моеї, когда онъ не печется о спасеніи собственной. Въ самомъ дѣлѣ прелаты нарушалъ правила своего сана. Анна жила 53 года, и каждый годъ, въ день своего рожденія, полагала на алтарь столько червонцевъ, сколько ей было лѣтъ.

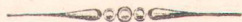
Козаки опустошили ея зѣмокъ, обратили въ пепелъ коллегію, а ее принудили удалиться. Она послѣ-того жила въ Ковалѣ, Коморжѣ, Гиннѣ, Ракацѣ, Познани и Ярославѣ, гдѣ основала новую коллегію.

Она умерла въ февралѣ 1654 года, выписавши передъ смертію славившагося въ то время іезуита Дружбицкаго.

Со смертію Анны прекратилась фамилія Острожскихъ.

Н. Костомаровъ.

1841 года. Харьковъ.

II.

С М Ъ С Ь.

ДАННОЕ ПИСЬМО.

=

Въ нынѣшнее время на купленное изъ казны или отъ частнаго челоуѣка аукціоннымъ порядкомъ недвижимое имѣніе выдается такъ называемая *данная*: родъ купчей, крѣпости. Вотъ примѣръ *данной* въ слободскихъ полкахъ временъ Петра Великаго, за подписаніемъ Бригадира Федора Владимировича Шидловскаго, начальствовавшаго тогда надъ пятью слободскими полками. Нѣчто въ подражаніе мало-россійскими Гетьманскими *универсаламъ*.

=

(на гербовомъ листѣ).

Року тысяча семь сотъ осьмага Мая въ шестнадцать день.

По указу Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея великия и малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца. Ахтырскихъ описныхъ селъ, которые были бывшаго Ахтырскаго Полковника Івана Перекрестова вотчины, леса и дубровы и сѣнные покосы, мольницы и рыбныя ловли и всякое угодье ненужное велено продавать, и кто похочетъ купить, не возбранно. И потому Его Вели-

каго Государя указу подь селомъ Каплиновкою садъ, про-
зываемый Гончаровскій, и сennie покосы, которые тамъ
же въ куть по близости отъ саду по лѣвую сторону Красно-
кутской дороги до лѣса продать довелось. И торговаль
вышеписанное Каплиновскій же атаманъ Григорій Бѣликъ,
а давая денегъ сорокъ рублевъ. А что онъ Григорій преж-
ней своей услуги являлъ: якоже въ надзирательствѣ май-
данныхъ селѣтранныхъ заводовъ, которые по повелѣнію
Свѣтлѣйшаго Князя его милости дѣлали около Айдары,
такъ и въ иныхъ заводахъ. И того ради вышепомянован-
ные садъ и сennie покосы ему Григорию продано, и го-
товыхъ денегъ сорокъ рублевъ принято и въ книгу запи-
сано. А чтобъ ему Григорию самому яко женѣ его и дѣ-
темъ помянутымъ садомъ и сennыми покосы, якъ выше
сего написано, впредь было надежно и вѣчно владѣти.
Особливо въ владѣніи вышепереченнаго, дабы отнюдь никто
жадной трудности и препятія чинити не важылся рады по-
мененной его заслуги. И сымъ нашимъ даннымъ писмомъ
при подписаніи рукъ и приложеніемъ печати нашей Бре-
гадирской утвердили. Дѣлось року и дня вышеписаннаго.

Брегадиръ Федоръ Шидловской.

рукою власною.

печать
краснаго
сургуча.

Ахтырской полковой судья Леонтій
Стефановъ Атаманъ Тростянецкій.

На оборотѣ надписъ изъ которой видно, что сей актъ
вмѣстѣ съ имѣніемъ возвращенъ сыну Ивана Перекрестова
Данилу.

ЗАПИСЬ СОЛОГУБА.

=

Лѣта 1713 Ноября въ 9-тый день города Батурина Василій Ивановъ сынъ Сологубой, далъ сію записъ Ахтырскаго полку *бывшему* (*) Полковнику Ивану Иванову сыну Перекрестову, въ томъ, что занялъ я, Василей, у него Полковника Ивана Перекрестова на расплату долговъ своихъ денегъ 6 рублей, а за тѣ деньги жить мнѣ Василю у него Полковника въ его, съ вышеписаннаго числа впродъ пять лѣтъ до таковажъ числа, ясть и пить, платье и обувь носить всё его господское, и живучи въ домъ его жены его и дѣтей слушать и почитать, всякая работа работать, не пьянствовать, съ ворами незнаться и воровъ для кражи пожитковъ его господскихъ не подвѣсть, самому не покрасть, незбѣжать и недожить урочныхъ лѣтъ самовольно прочъ неотойти. А буде я Василій противъ сей записи что писано въ сей записи неустою и ему господину моему взять на мнѣ Василю и на порутчикахъ моихъ займы данныя свои деньги и покраденныя спосныя пожитки по своей сказкѣ и съ убытки—сполна. А порукою нижеподписавшіеся.

Къ сей записи челобитенной писецъ Илья Евдокимовъ вмѣсто Василя Иванова сына Сологубова, что жить ему за

(*) Слово *бывшему* доказываетъ, что Перекрестовъ неимѣлъ уже Начальства (онъ попалъ тогда въ немилость у Петра; даже и имѣнія его были отобраны): следовательно въ договоръ не могло быть никакого принужденія.

долговья деньги за 6 рублевъ пять лѣтъ, по его вѣльню руку приложилъ.

Къ сей записи челобитной писецъ Никита Лалетимъ вмѣсто порутчика Воронцовской слободы Петра Никитина сына Рѣщикова по его вѣльню руку приложилъ.

Свидѣтель челобитной писецъ Ѳеодоръ Хатъновъ руку приложилъ.

Запись писалъ крѣпостныхъ дѣлъ подъячій Степанъ Новиковъ. Къ сый 713 году Ноября въ 10-й день пошлинь гривна съ листа и отъ записки 6 алтынъ четыре деньги взято и записано.

ВЫПИСКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ

АРХИТЕКТОРА АЛЕВРОВА.

Римъ.

12

14 Октября 1809.

Въ продолженіи моего пребыванія въ Римѣ, я видѣлъ почти всѣ остатки его древностей. Невозможно мнѣ описать ихъ въ одномъ письмѣ, ниже припомнить съ подробностями. Воображеніе мое и память столько обременены ими, что я еще не могу похвалиться раздѣльнымъ о нихъ свѣдѣніемъ. Я удовольствуюсь теперь сказать вамъ нѣчто

о самых любопытнѣйшихъ. Пантеонъ, наилучшее зданіе изъ всѣхъ остатковъ римской архитектуры!.... величественный сводъ его, имѣющій въ діаметръ двадцать россійскихъ сажень и восемь вершковъ, есть, безъ сомнѣнія, самое отважное и превосходнѣйшее произведеніе въ своемъ родѣ. Большое круглое отверстіе въ центрѣ свода, сквозь которое свѣтъ входитъ лучемъ, даетъ обширной внутренности самый торжественный видъ. Мнѣ кажется, ничто не можетъ быть приличнѣе сего освѣщенія для храмовъ, яко мѣстъ посвященныхъ Божеству. И конечно ни одинъ человѣкъ еще не вступалъ въ сіе зданіе, не будучи пораженъ онымъ, и не ощущая въ сердцѣ своемъ чувствъ благовѣнія! Я не скажу вамъ ничего о вкусѣ архитектуры церкви св. Петра: въ ней нѣтъ ничего, что могло-бы занять меня послѣ Пантеона, а особливо, послѣ *развалинъ афинскихъ*. Вы удивляетесь, измѣряя циркулемъ на бумагѣ планъ и высоты зданія; но сколько-бъ вы удивились, вошедъ въ сію церковь, и не почувствовавъ ничего колоссальнаго. Чрезмѣрные высоты профилей, и множество частей одна другой больше, отнимаютъ всякую идею объ огромности. То же должно сказать и о наружномъ видѣ. Многіе принимаютъ смѣсь сію за достоинство, называя ее гармоніею. Но для чего-же строить колоссъ, если надлежитъ стараться, чтобъ онъ не казался таковымъ? удивляюсь идеямъ Микель-Анжело, но только въ скульптурѣ и живописи, а не въ архитектурѣ; и никакъ не могу вмѣстить въ моему умѣ, что одинъ и тотъ же великій человѣкъ, бывъ знаменитъ въ первыхъ двухъ художествахъ, столько былъ слабъ во вкусѣ послѣдняго! Остатки Колизея представляютъ также преудивительный колоссъ! Внутрен-

ность его должна была быть поразительной красоты, хотя теперь о ней не иначе судить можно, какъ только по остаткамъ сводовъ, на конхъ были некогда уступы для сидѣнья, и по куску стѣны показывающей высоту верхнихъ столбовъ, стоявшихъ въ одинъ рядъ, выше всѣхъ уступовъ, и составлявшихъ великолѣпнѣйшія покрытыя логи для знатныхъ зрителей. Въ наружности же его не явится ни рядъ верхнихъ пилястровъ, поставленныхъ надъ тремя ярусами колонъ. Сіи пилястры, представляя четырехугольное тѣло надъ круглымъ основаніемъ, кажутся ни слишкомъ тяжелыми; притомъ онъ гораздо большаго діаметра, и слѣдовательно гораздо длиннѣе колоннъ подъ ними находящихся! Развалины Колизея чрезвычайно картинны: и онъ, едва ли не болѣе плѣняютъ художниковъ, нежели остатки его архитектуры (*).

Что-бы не наскучить вамъ, вдругъ, разсказами о древностяхъ, оставляю продолженіе сей матеріи до слѣдующаго случая; а теперь позвольте присоединить нѣчто о здѣшнихъ зданіяхъ новѣйшихъ временъ. Не странно-ли покажется вамъ, въ знаменитой столицѣ изящныхъ художествъ, изъ которой произошло столько славныхъ архитекторовъ, въ множествѣ церквей, дворцовъ и прочихъ публичныхъ зданій, не найти ни одного, хотя сколько нибудь сноснымъ для глазъ?

(*) Въ семъ смѣломъ и справедливомъ судѣ лучшихъ зданій римскихъ, очень можно узнать того молодого человека, который при началѣ строснія казан. церкви въ С. П. выгравировалъ ея будущій преспектъ; въ намѣреніи безмолвно показать недостатки ея архитектуры.

..... Изъ архитекторовъ я не успѣлъ еще ни съ кѣмъ познакомиться. Но я видѣлъ нѣкоторые ихъ проэктъ; и если нѣтъ у нихъ чего нибудь лучшаго, то врядъ-ли я получу къ знакомству охоту. Я былъ въ мастерской Г-на Кановы, перваго скульптора въ Европѣ. Немогу выразить вамъ, до какой степени удивленъ я его произведеніями. Онъ недавно кончилъ превосходную статую наполеонову изъ мрамора. Но я еще не имѣлъ счастья увидѣть его самаго. (*) Онъ гоститъ теперь во Флоренціи. Я ходилъ смотрѣть выставку произведеній здѣшней Французской академіи. Тамъ ничего не было, кромѣ одного только картина и фронтона храма Антонинова, да нѣсколькихъ посредственныхъ картинъ. Римская же академія св. Луки ничего не имѣла выставить. Говорятъ, что она столько бѣдна теперь, что не въ состояніи дать въ награду какому либо молодому художнику ниже серебрянной медали. Здѣшніе художники умираютъ съ голоду въ нынѣшнее время.

П А Р И Ж Ъ.

$\frac{11}{23}$ Сентября 1810.

Я въ совершенномъ отчаяніи, и можетъ быть до сей поры давно-бы уже не существовалъ, если бы менѣе былъ чувствителенъ къ благодѣяніямъ друзей моихъ, и если бы

(*) Съ такимъ почтеніемъ говорить всегда истинное дарованіе о дарованіи великомъ!

не обязанъ былъ имъ моею благодарностію. Всѣ надежды мои на пособіе здѣшняго посла нашего рушились (*).

Не знаю, чѣмъ кончится несчастная участь моя; но всего достовѣрнѣе кажется то, что я пойду пѣшкомъ, безъ полушки денегъ, и въ видѣ нищаго, искать по свѣту чувствительныхъ сердецъ. Судите по сему, чего мнѣ стоять мои предпріятія, и сколь горько мнѣ, что такъ поздно для меня, находятъ ихъ бесполезными мои соотечественники. Горестное мое состояніе не позволило мнѣ познакомиться ни съ однимъ изъ здѣшнихъ художниковъ; но я видѣлъ почти всѣ ихъ произведенія на дѣлѣ. Большая ихъ часть суть даже и не *подраженіе* древнимъ — а настоящія *копіи*, какъ — то : бронзовая колоссальная аустерлицкая колонна сдѣлана по модели колонны траяновой; триумфальная арка по модели арокъ римскихъ; и она такъ мала, и въ такомъ тѣсномъ мѣстѣ стоитъ между огромныхъ зданій дворца Тюльери, что и виду никакого не имѣетъ. Лучшія произведенія здѣшнихъ архитекторовъ суть мосты, а особливо *pont d'Austerlitz*, коего арки сдѣланы изъ чугуна (**). Я ходилъ почти всякой день цѣлый мѣсяцъ въ музей Наполеоновъ: онъ былъ открытъ въ сіе время. Тутъ дѣйствительно собраны наилучшіе произведенія древней скульптуры и живописи. (*Въ оригиналь*

(*) Алзеровъ, не получа по несчастному случаю посланнаго ему друзьями его пособія, обратился къ послу съ покорнѣйшею просьбою, объ отпускѣ ему въ займы небольшой суммы для возвращенія въ отечество.

(**) Конечно необыкновенный духъ долженъ имѣть тотъ художникъ, который, бывъ въ столь крайнемъ положеніи, еще занимается, какъ знатокъ, своимъ художествомъ.

сльдуютъ нѣкоторыя разсужденія о картинахъ новѣйшихъ французскихъ живописцевъ.)

П а р и ж ъ.

$\frac{3}{15}$ Октября 1810.

..... Заплативъ мой долгъ, я до слѣдующаго Ноября останусь безъ полушки; и не говоря уже о сапогахъ и платѣ, коихъ у меня совершенно нѣтъ, мнѣ не возможно будетъ купить и карандаша, чтобы по крайней мѣрѣ, сидя въ комнатѣ, и не выглядывая на свѣтъ Божій, могъ я заняться чѣмъ нибудь для разогнанія моей скуки. Желамъ бы я, чтобы вы какимъ нибудь нечаяннымъ образомъ взглянули на мое теперешнее состояніе! Тогда могли-бы судить лучше, чего стоитъ мнѣ несчастная страсть моя къ художествамъ. Часто, въ минуты моего отчаянія, раскаяваясь я, что посвятилъ себя добровольно на страданіе, но когда потомъ надежды и сладкія мечты достигнуть моей цѣли во что-бы то ни стало, возвращаются ко мнѣ, я чувствую..... не столько облегченія, сколько мучусь, видя всегда передъ глазами бесполезно пропадающее время!

П а р и ж ъ.

$\frac{16}{28}$ Октября 1810.

Не могу изъяснить вамъ, сколько я былъ обрадованъ и опечаленъ вмѣстѣ, прискорбнымъ извѣстіемъ относительно покровительства, на которое, послѣ полу-

ченнаго мною въ Римъ письма вашего, я возлагалъ всю мою надежду. Князь же послѣ многихъ разсужденій, и по ходатайству Графини Шуваловой, опредѣлилъ было выдавать мнѣ по двѣсти франковъ на мѣсяцъ, чтобы я могъ заняться здѣсь чѣмъ-либо, пока полученъ будетъ отъ васъ отвѣтъ. Но къ счастью еще ваши письма подоспѣли во время, и предохранили меня отъ ужасныхъ долговъ, изъ коихъ я не въ состоянн былъ-бы выпутаться, и на кон рѣшился я, основываясь на ограниченную вами сумму отъ 304—350 червонцевъ, которые предполагали вы мнѣ доставить, прежде возвращенія моего въ Россію. Четвертаго дни получилъ я изъ С. Петербурга вашъ вексель на 600 франковъ.... я весьма радъ теперь, что избавился отъ долговъ, и свободенъ предпринять обратный путь въ отечество.

Писать къ Государю не предвижу я выгодъ, ибо не имѣю средствъ оставаться здѣсь ожидать его рѣшенія. Единое средство избѣжать пагубныхъ крайностей состоитъ въ томъ, чтобы не медля возвратиться во-свои. Черезъ пять или шесть дней я предпріиму путешествіе; и путь сей будетъ подлинно *путешествіе*, ибо я пойду пѣшкомъ. Жаль мнѣ, что сіе не случилось лѣтомъ: такое странствіе могло-бы мнѣ быть весьма полезнымъ.

Вы жалуетесь на практическое производство зданій въ Россіи. Не думайте, чтобы нынѣшняя практика въ Парижѣ была лучше нашей (*). Здѣсь также не успѣють

(*) Друзья Алфорова советовали ему, не пропустить при нынѣшнихъ многочисленныхъ постройкахъ во Франціи, а особливо казенныхъ, разсмотрѣть производство: не имѣетъ ли оно чего достойнаго подраженія въ Россіи.

кончить строеніе, и оно уже въ трещинахъ. Камень вообще такъ худо притесиваютъ, что всегда послѣ конопатятъ пенькою швы, и замазываютъ ихъ цементомъ, смѣшаннымъ изъ извести и полнаго кирпича, который въ весьма короткое время отскакиваетъ. Весьма мало строеній произведено здѣсь въ дѣйствіе такъ, какъ должно. Жаль мнѣ, что краткость времени не позволяетъ распространиться о семъ съ нѣкоторыми доказательствами. Но что всего хуже у насъ, какъ и здѣсь, то это минимая экономія хозяевъ. У насъ почти всегда употребляютъ сырой лѣсъ въ строеніе, худо выжженный кирпичъ, какую нишюнало известь, лишь бы подешевѣлъ; наконецъ стѣны остаются всегда сыры, и валятся прежде времени, штукатурка всегда отскакиваетъ, полы и потолки коробятся и трескаются, чрезвычайная осадка раздавливаетъ печи, ипр. Сихъ причинъ никогда почти не хотятъ предвидѣть нетерпѣливые хозяева; и потомъ всю вину возлагаютъ на архитектора. Тамъ, гдѣ требуется прочность, должно прежде всего, чтобы матеріалы соответствовали ихъ назначенію. Наконецъ практика нисколько не есть секретъ: главныя и частныя ея правила всему свѣту извѣстны, и онѣ всегда и вездѣ одинаковы, включая какихъ-либо необыкновенныхъ произведеній натуры, весьма для строенія выгодныхъ, какова напр. Пуццолана. Но кремлевскія стѣны въ Москвѣ не уже-ли, скажутъ мнѣ, не столько прочны, какъ стѣны римскія, хотя въ нихъ не употреблено пуццоланы?

Наша гранитовая практика во вся никуды не годится. Можно-ли думать, чтобы стѣна гранитовая, или сдѣланная изъ какого бы то камня ни было, могла простоять многіе

вѣка, когда камни ея не имѣютъ и двухъ пальцевъ ширины въ ихъ постели? ипр.

Такъ разсуждаетъ Алферовъ въ письмахъ своихъ къ друзьямъ! Среди крайнѣйшей нужды, едва имѣя напутный кусокъ хлѣба, и готовясь идти зимою, пѣшкомъ, около трехъ тысячъ верстъ, онъ ничего не видитъ, кромѣ своего художества. Напомнимъ еще, что Алферовъ дворянинъ хорошей фамиліи, хотя бѣднаго отца сынъ, но воспитанный у благодѣтеля своего въ нѣгѣ и довольствѣ, что онъ внутренно чувствуетъ свою цѣну, и что по всемъ этимъ причинамъ онъ къ нынѣшней своей участи не можетъ быть равнодушенъ; но онъ жалѣетъ только о томъ, что время у него проходитъ бесполезно!.. Если такой человѣкъ не общается много для своего отечества, то всѣ наши умозрѣнія о человѣческой природѣ ошибочны.

СТИХОТВОРЕНІЕ А. А. ПАЛИЦЫНА.

Гавріилу Романовичу Державину.

Какъ! къ Мевію, тебѣ безвѣстному, во мракъ

Пустыннаго уединенья,

Твои безсмертны пѣснопѣнья,

Ты шлешь, увѣнчанный нашъ Флаккъ!...

Чѣмъ могъ я заслужить вниманія сей знакъ?...

Какія принесу благодаренья?...

Они намъ слабымъ трудны такъ,

Какъ сильнымъ вамъ легки благодаренья;
Я силу чту души великой, не призракъ:

Мнѣ памятны твои, въ Вельможъ, наставленья.

О какъ завиденъ, въ этотъ часъ,

Мнѣ сладкой пѣснопѣвцевъ гласъ!

Не для того, чтобы хвалами

Твою я скромность утомлялъ,

Какъ-то ведется межъ писцами:

Фелицынъ Бардъ, рожденный для похвалъ,

Въ комъ даръ Горация и даръ Анакреона,

На славу русскаго воскресли Геликона,

Кто лирой вѣкъ пѣвцевъ, вѣкъ мудрыхъ услаждалъ,

Не всеми-ль мудрыми прославится вѣками?

=

Плѣнятся-ль взоръ и умъ вселенныя красами,

И добрымъ щедраго отца ихъ возвѣстять;

Перуны-ль возгремать подъ небесами,

И злымъ въ немъ мстителя и судію являть?

Блеснетъ ли Царь свѣтилъ на высотахъ лазурныхъ,

Въ весенней ясности, въ осеннихъ тучахъ бурныхъ?

На *щастіе* ли кинуть взглядъ?

Пѣнты-ль воспоютъ отечества героевъ,

И въ миръ и въ поляхъ кровавыхъ среди боевъ?

Къ *развалинамъ* ли взоръ унылымъ обратять?

Воспѣнится-ль и возшумитъ водами,

Между гранитными скалами,

Съ крутыхъ утесовъ ихъ алмазный водопадъ?

Оплачутъ-ли чью смерть безсмертными стихами?

Красы ли русскія ихъ *пласкою* прельстятъ?

Раздастся ли между лѣсами,

Вечерней, утренней зарей,
Въ ночи подъ ясною луной,
Свистъ громкій *соловья*, весной?
Съ друзьями-ль мудраго увеселить бесѣда?
Изсѣченъ или изваянь
Кому гдѣ будетъ *Истуканъ*?
Пыры-ли удивять роскошнаго *сосѣда*? ...
При видахъ или при памятникахъ сихъ
Витѣйственныхъ даровъ твоихъ,
Всегда тебя, всегда потомки воспомянуть;
И даже самыя завистливы пѣвцы
Сплетутъ Державину и гимны и вѣнцы!
Не смолкнуть пѣсни тѣ, вѣкъ лавры не увянутъ,
Ни плески въ честь тебѣ гремѣть не перестанутъ!

=

И такъ, не похвалы ненужныя слетать,
Я даромъ творческимъ желалъ бы обладать:
Твое вниманіе мнѣ лестно, драгоценно,
Вниманіе пѣвца Фелицына священно,
Пріятно было бы мнѣ въ сердцѣ оправдать,
Какимъ нибудь трудомъ тебя достойнымъ,
Парнаскимъ жителямъ пристойнымъ.

=

Когда-бъ лѣтъ пылкихъ прежній жаръ,
Въ замѣну *труднаго* парнасскаго искусства,
Еще одушевлялъ мой слабый даръ;
Ласкался-бъ я хотя излить живѣе чувства,
И благодарности тотъ сладостный восторгъ,
Который щедростью изъ сердца ты исторгъ.
Но что могу принести я нынѣ,

Въ безсильной старости, въ пустынь?
Чѣмъ даръ и жаръ мнѣ замѣнить,
Чѣмъ благодарность изъяснить? . . .

=

Уже-ль въ невольномъ семь движеніи,
Безгласнымъ вовсе легче быть?

Отъ благодарности-ль бывъ въ нѣжномъ восхищенъ,
Неблагодарнаго дерзну я видъ носить?

Колебляться-ль тогда въ недоумѣнь?

Стерплю ли я, хотя того не повторить,
Что въ нашей простотѣ, на югъ, въ отдаленъ,
О Бардъ съверномъ въ пустыняхъ говорятъ?
Какъ сладко здѣсь объ немъ намъ Мевіамъ то мнѣнье,
Что онъ дарами Флаккъ, добротой Меценатъ!
Что въ лаврахъ и звѣздахъ, и въ званіи великомъ,
Какъ славой, мыслями и словомъ ни богатъ,
Съ изящнымъ и умомъ, и вкусомъ, и языкомъ,

И на чредѣ высокой, въ мудрый вѣкъ,

Въ советъ Царскомъ и во Званкѣ

Онъ равенъ и въ одной осанкѣ:

Всегда другъ музъ, людей, вельможа-человѣкъ!

Сколь гордый отъ него въ томъ Римлянинъ далекъ!

Тотъ Мевіевъ своихъ и Бавіевъ тазасть:

Нашъ тою-жъ лирою гремѣщей обладаетъ,

Глаголомъ выпренимъ, согласіемъ боговъ:

Однако нашихъ онъ разлаженныхъ гудковъ,

Нескладныхъ пѣсень и стиховъ,

Скропанья, иногда и изъ обломковъ словъ,

Затычекъ, вставокъ и скачковъ,

Огниюдь не презираетъ;

Хотя отъ нихъ подѣ часть конечно и зѣвается:

И малыхъ онъ падить даровъ,
И скудныя таланты ободрять.

=

Сія извѣстная доброта свойствъ твоихъ,
Осмѣлила меня принести и этотъ стихъ,

Конечно слабый и ничтожный;
По щедрости твоей души и чувствъ моихъ,
Истолкователь онъ неложный.

Почто въ моей судьбѣ,
Для приношенія достойнаго тебѣ,
Иной нѣтъ жертвы, мнѣ возможной?

Почто не Волховски струи я нынѣ пью,
Которыя меня поили въ нѣжномъ дѣтствѣ?

Почто не въ Званкѣ я пою,
Въ старинномъ дѣдовскомъ жилищѣ и наслѣдствѣ?
Какъ сладко бы провелъ я старость тамъ свою,
И съ мудрымъ и съ пѣвцемъ, съ Державинымъ въ сосѣдствѣ.
Вблизи-бы лирный гласъ его меня плѣнялъ;
Изустно-бы я ему всѣ чувства изливалъ;
И бывъ согласіемъ его наставляемъ звона,
Достигъ-бы, можетъ быть, и я до Геликона!
Бесѣда съ мудрыми всѣхъ больше учить книгъ,
И возвышаетъ умъ и сердце и языкъ. —
Не только кровы ихъ, но гробы намъ священны;
Малѣйшія отъ нихъ остатки драгоценны!
Они-то честь, краса и слава Естества,
Наставники людей, суть образъ Божества! . . .

=

Летите тщетныя изъ мыслейъ вонъ мечтанья,
Восторга моего плоды, воспоминанья
О дѣтствѣ, и всегда мнѣ милой старинѣ:
Не жить мечтателю въ геройской той странѣ,
Гдѣ древле пѣлъ Баянъ, гдѣ нынѣ пѣсни громки
Державинъ предасть счастливыѣ въ потомки.
Подъ бременемъ лѣтъ и нуждъ, сихъ тягостныхъ,
Не видѣть, Волховъ, мнѣ уже твоихъ береговъ,
Не слышать мнѣ изъ устъ Державина стиховъ!
Прошли тѣ времена, когда подъ сельски кущи,
Къ богатымъ мудростью стекались неимущи;

Когда Орфеевъ голоса
Творили чудеса!

=

Гордися тѣмъ рѣка въ Россіи знаменита,
Что ты Державина внимаешь лирной звонъ!
Привѣтствуй шумомъ водъ, красой береговъ пѣнта,
Что славу древнюю твою умножилъ онъ:
Что на берегахъ твоихъ воздвигнулъ Геликонъ;
И старость самая его мастита,
Намъ струнъ Софокловыхъ издастъ печальный стонъ!

А. А. Палицынъ.

1 Июля 1809 года въ с. Поповкѣ.

ПИСЬМО А. А. ПАЛИЦЫНА

къ В. Н. Каразину.

=

Премлюбезный другъ мой Василій Назарьевичъ!

Не только Ник. Фед. и камеръ обскуръ, да естълибъ я и самъ на что нибудъ для васъ годился, то всевообъ и себя унотребилъ. Найдемъ ли мы что пріятнѣе, какъ служить дружбѣ и способствовать благодарности? Когдабъ и подлинно я могъ тутъ чѣмъ нибудъ способствовать, то яже былъ бы и обязанъ; особливо что вы тѣмъ хотите познать меня съ почтеннымъ и любезнымъ челоувѣкомъ, какіе рѣдки и всегда, не только въ наше время. Простите, любезнѣйшій мой другъ! Слѣдуйте всегда вашимъ здравымъ правиламъ: избирайте и любите людей по себѣ, знакомьте ихъ, сближайте тѣмъ, чтобъ сказать вашимъ словомъ, все доброе; но притомъ терпите и прощайте прочихъ; не взыскивайте на нихъ больше того, что они могутъ: не требуйте никогда великодушія отъ дуиъ малыхъ, ума отъ дураковъ, терпимости отъ фанатиковъ, безкорыстія отъ алтынниковъ и проч. и проч. вы вѣрно также предъохраните себя отъ ненависти къ людямъ, какіе бы несправедливости отъ нихъ неспытали, какъ черезъ тридцать лѣтъ,

вашъ всенскренной слуга и вѣрной другъ

Александръ Палицынъ.

Дайте мнѣ еще праздникъ васъ увидѣть; послѣ, можетъ быть, того ужъ долго неслучится. И случится ли? . . .

4 Юля 1799 года въ Поповкѣ.

ЦѢНЫ ПРОВІАНТУ ВЪ ХАРЬКОВѢ ВЪ 1732 ГОДУ.

Таковъ посланъ 1732 года Февраля 14 дня рапортъ съ Харьковской полковой таможенной въ Бѣлгородскую Канцелярію о продажѣ провіанта и фуража, почему того вышеписаннаго числа продавалось муки ржаной, Россійскаго четверть пшена и овса, такожъ и соли пудъ и сѣна возъ, о семъ значится ниже сего.

Понедѣльнаго торгу.

	Руб.	Коп.
Въ продажѣ муки ржаной четверть годной . .	—	70
Пшеничной муки четверть.	1	7
Пшеницы четверть	1	6
Пшена четверть.	1	30
Овса четверть.	—	25
Сѣна возъ.	—	44
Сѣмя четверть.	—	86
Ячменю четверть	—	34
Солоду ячнаго четверть	—	85
Гречи четверть	—	56
Муки гречаной четверть.	—	82
Гороху четверть.	—	77
Дою (*) пудъ	—	60
— Табаку пудъ.	—	59
— Кабанъ кормленнѣй.	1	—
— Туша кабанья.	—	90

(*) Свѣчнаго сала.

	Руб.	Коп.
— Сало кабанье пудъ	—	55
Соли пудъ.	—	26
Меду сѣраго (*) ведро	2	21
Меду сиченаго гарнецъ	—	4
Пива гарнецъ	—	2
Коноплянаго масла кварта	—	8
Добраго вина ведро.	1	51
Простаго вина ведро	—	80
— Коровьяго масла пудъ.	—	78

Къ сему рапорту ралечной Степанъ Трофимовъ вмѣсто Головы Андрея Миронова сына Гуньки по его велѣнію подписалъ. Таковъ посланъ въ Бѣлгородъ 14 числа Февраля 1732 года.

У С Л О В І Е П О М Ъ Щ И К А

СЪ УЧИТЕЛЕМЪ ЗА 40 ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

=

Изъ чернаго, писаннаго рукою Г-на Помѣщика.

1800 года Октября 7 дня, я ниже подъ писавшейся Прусской нации Фридрихъ Лотъ обовязалъ ся симъ контрактомъ отвступленія моего вдолжность жить годъ вдомѣ Харковского уезда у господина помещика Подполковника

(*) Разумѣется съ воскомъ, въ какомъ видѣ получается онъ изъ ульевъ. Въ продажѣ онъ дороже патоки. Подъ именемъ добраго вина, можно разумѣть виноградное. И всѣ эти цѣны, конечно еще нѣсколько увеличены.

К. обучать зимніе мѣсяци дѣтей ево нѣмецкому языку Грамматическимъ правиламъ читать и писать ѣ нѣжнихъ классовъ Арифметикѣ и за синомъ ево К. иметъ неусипное смотреніе за поведениемъ ево идоставлять всякое ему благоуравне какъ воспитанію благородному дитяти принадлежитъ безъ малейшаго упущенія вестъ себя всегда трезво и добропорядочно какъ честному человеку принадлежитъ быть для хорошова примеру впротивномъ же случае за несмотреніе мое или пьянство и худыя поступки повиненъ я Лотъ отвечать по законамъ и по прохожденее зѣмнихъ мѣсяцей мне Лоту за ево синомъ уже болея не смотреть и дѣтей не учить а вступить мне вдолжность садовничию и старатца здѣлать два аглицкия сада завестъ теплицы цветникѣ и парникѣ критія алей ранжирею и огороднѣй поросаживать деревья и делать прививки колеровки и отводи самимъ искуснимъ образомъ по сей должнсти стараца не леностею делать приобретенія разнія размноженію Фруктозихъ деревьевъ, даби неусипнымъ рачениемъ моимъ и трудами заслужить могъ себѣ похвалу и награждене какияжъ до садовнаго искусства потребни будутъ инструменти и матеріалѣ тоже потребное число людей рабочихъ онъ К. долженъ по требованію моему дато мнѣ и определить учениковъ двухъ о собую комнату для отапливанія которой на каждую недѣлю повозу дровъ для услуги женѣ моей дѣвчонку или женщину какою на ихъ одеждѣ а толко на моихъ харчахъ которія мне Лоту получить вгодъ отъ ево же К. пшеницы пять и ржи четыре крупъ одну пшена одну гороху одну овса двѣ четверти всего четиринадцать четвертей масла коровьево пудъ масла поснова ведро сала синова

два пуда соли два пуда свѣчнаго сала топленого пудъ
уксусу ведро наливки два ведра горячево вина три въдра
солонины четыре пуда вичины пудъ свѣжаво мяса шесть
пудъ и пристойное число крошева и свекли квашеной и
годоваго жалованья сто двадцать рублей. За первую поло-
вину получить впередъ года а за вторую при окончаніи
оного и паспортъ свой вручить мнѣ ему К. буде же я
хотя окажуся въ сихъ должностяхъ назнающъ и нерачи-
тельнымъ то вольно ему *М.* меня отпустить заплата за
тотъ термеля мнѣ жалованье что я проживу въ ево и всю
провизию, а прочее все то, что я за службу.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ (*).

==

Посылаю къ вамъ то самое письмо Украинскаго нашего философа, которое вы имѣть желали. Только оно не подлинное, а списанное мною съ подлинника предъ самымъ его отправленіемъ на почту въ Орель къ Тайному Совѣтнику Михаилу Ивановичу Ковалѣнскому. Я тогда (т. е. за полстолѣтія слишкомъ) сохранилъ не только правописаніе почтеннаго Сквороды; но сколько могъ, даже и почеркъ его. Вотъ почему нѣкоторые ошибались, почитая этотъ списокъ за подлинникъ. Такъ я о немъ и самъ слышалъ, потерявъ за давностію времени изъ виду и памяти все это обстоятельство. Почему вы вообразите мое удивленіе, когда я увидѣлъ мой списокъ въ рукахъ нашего Архипастыря — который столь благосклонно мнѣ предложилъ его для васъ.

Скворода жилъ въ то время въ деревнѣ давно-умершаго моего отчима Коллежскаго Совѣтника Андрея Ивановича Ковалевскаго, Ивановкѣ, которая теперь принадлежитъ Г-ну Кузину. Тамъ его и могила. Она украсится достойнымъ памятникомъ, какъ обѣщаль мнѣ Козьма Никитичъ, этотъ рѣдкой гражданинъ и *чрезвычайный* человекъ для всякаго добра общественнаго; тогда, можетъ быть, напишу я Біографію нашего мудреца, недостаточно въ разныхъ журналахъ помѣщенную, и то отрывками съ 1810 года; ибо съ сего года только начали догадываться, что мы *подъ чубомъ* и въ украинской *свиткѣ* имѣли своего Пифагора,

Оригена, Лейбница, подобно какъ Москва за 150 лѣтъ въ
Посошковѣ своего Филанджіери, а Харьковъ нынѣ имѣетъ
своего Іоанна Златоуста (но Карамзинъ запретилъ истори-
чески говорить о живыхъ!..)

Вашъ покорный слуга

Василій Каразинъ.

Харьковъ.

Маія 2 дня 1842 года.

Из Олшанскія Новооки 1790. года. Септемвр. 26.

Возлюбленный паче всѣхъ. человекъ. Михайле!

Миръ. тебѣ. Муже Божественныхъ. желаній!

Мати моя, Малороссія: и Тетка моя, Украина: посылають тебѣ в дар: малорослую мою Дщерь Авигею: Икону Алківіадскую. Прійми Ее: и яко Давидъ, наслаждайся Ею. Она не Лицемъ: но Сердцемъ Красавица: и вся Слава Ея внутр' Ея. С' нею бесѣдуя: бесѣдуеш со мною. Сердце мое в. ней: а Ея во мнѣ. Она тебѣ породит Единого точію сына: иже есть Истое Начало.

Род сей лицемѣрный, и сласто-Очесный, ругаясь на-рыщает Бѣсною и Буйною. Аз же ты, прежде Юношу: нынѣ же обрѣтох ты Мужа по сердцу моему. Дія моя Дума, твоя ест': и твоя, моя: 1?

Вотъ Единость! Любовь! Дружба!

Письмо сокращу. Не удерживаю от Бесѣды с Дѣвою Евою.

Тол'ко припишу: воспѣтую мною в' Хар'ковѣ Хар'кову Пѣсен'ку, в' Августѣ

Oratio ad Deum

in Urbem Zacharpolim:

Ex hoc Zachariæ Prophetæ grano:

* r. hi sunt Oculi Domini. . . .

*

Zacharias Oculos septem tibi prædicat esse.

Septimus est Oculus: Zachariana Polis.

Hic Oculis septem, Tu, solus, Christe, Pupilla.

Cæci sunt Oculi: quando Pupilla latet.

O reclude tuos in Eam, miseratus. Ocellos!

Sic Sol verus erit: Zachariana Popis.

Сім очі відкриєт Авигеа. в' Захаривском Свѣщникѣ. Tu
Versus facies slawonicos.

Іаков мой к' сей моеї. Діщеръ простудился. Замарая в' ней и мое и кому поднесена Імя. Откуда сіе? не вѣм. Сего ради пересилаю к' тебѣ другу сей для него Списанный Список: Уживай, лутче его, себѣ сію твоего Лиценціата, Душу.

Аще Бог Помощ': во слѣд Авигеи, еще два мои сыночки, выправляют крила: и думают к вам летѣть. * Древній Мыр. (пишу ы at differat ab illo: мир) и * Михаил боряи Сатану. Они рожденны для тебе: и посвященны от самых Пелен святому твоему Духу. Окажет Пролог: Буд' же им Отец и Покров во вѣки! Но потерпим. Снимаются копін.

Оригинал ли прислат'? Увижу. До Дщери случайно привязалася Ода Сидронія Езуиты. Благо же! На ловца звѣр', по Пословицѣ. Послѣ годовой болѣзни, перевел я Ее в' Хар'ковѣ: отлѣтая к' Матерѣ моеї, Пустынѣ. Люблю сію Дѣвочку. Ей! достойна быт' в' числѣ согрѣвающих блаженну Давидову и Лотову Старост': оных: * Приведутся Царю Дѣвы. Прилагаю тутже, как хвостик, и закоснѣвшее мое к' вам писмишко Гусинковское. Нынѣ скитаюся у моего Андрея Иван. Ковалевскаго. Имам моему Монашеству полное Упокоеніе, лучше Бурлука. Земел'ка его ест' нагорная. Лѣсами, Садами, Холмами, Источниками распецнрена. На таком мѣстѣ я родился возлѣ Лубен'. Но ничто мнѣ

не нужно как спокойна Келіа: да наслаждаюся моею Невѣстою оною: * Сію возлюбих от Юности моя О сладчайшій Органе! Едина Голубице моя! Бібліе! О дабы собылося на мнѣ оное. * Давид Мелодивно, выгравает дивно. На всѣ струны ударяет. Бога выхваляет. На сіе я родился. Для сего я^м и пію: да с' нею поживу, и умру с' нею. Аминь! Твой друг и брат: слуга и раб: Григорій Варсава Сковорода Даніил Меінгардъ.

Число моих твореній. Лучшее значат Звѣздки.

1. Наркис. узнай себе. ** Первородный Плод.
2. Симфонія Библейных Слов сему: * Рѣх: сохранию пути.
3. Симфонія: * Аще не увѣси самую тебе и пр. ***
4. Неграмотный Марко. У Як. Правицкаго.
5. Алфавитъ Мира. ***
6. Разговоръ Колѣцо *
7. Древній Мыр.
8. Жена Лотова. *
9. Брань Михайлова со Сатаною. **.
10. Икона Алкивіадская. ***
11. Бесѣда 1-я: нареченна Сіон.
12. Бесѣда 2-я: Сіон.
13. Бесѣда 3-я: нареченна Двое. **
14. Діалог: Душа и нетлѣнный Дух. У Правицкаго.
15. Притча: нареченна: Убогій Жайворонок. У Дискаго.

Переводы из Цицерона.

1. О старости * поднесена Степ. Ив. Тевяшову. из Плутарха.

2. О смерти.
3. О Божіем Правосудіи. *
4. О храненіи от Долгов. Дарена Алекс. Юр. Сошал'скому.
5. О спокойствіи Душевном. * Подн. Яков. Мих. Захарж.
6. О Вождельніи Богатства. Завезена в' Крим безъ списка.

7. Езуита Сідроніа Ода о Уединеніи. et cœtera.

У друга нашего: Бабайскаго Іерея: Іак. Правицкаго: всѣ мои творенія хранятся. По мнѣ бы они давно пропали. Я удивился: увидѣвъ у его моего Наркисса и Симфон. еще не увѣси. Я Ее ожелчившися, спалил в' Острогорскѣ, а о Наркиссѣ на вѣки было забыл. Просите у Его. А я, не точію Апографи: но и Аутографи раздал, раздарил, расточил.

Non prodest Messis: nisi servet Cura fidelis.

Fons fundit largas: Testa reservat Aquas etc.

Post scripsi. При Авигеи пріимите и Алфавита сына. Так Дух велѣл.

— И. Срезневскій

ВЫПИСКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ ГР. САВ. СКОВОРОДЫ.

Пока еще такъ мало извѣстій собрано о литературной дѣятельности Сковороды, нельзя не дорожить всякимъ намекомъ объ этомъ. Авось либо когда нибудь и составитя изъ этихъ намековъ, если не что большее, то, по крайней мѣрѣ, полный списокъ его сочиненій. Вотъ еще нѣсколько такихъ намековъ, выбранныхъ мною изъ писемъ Сковороды къ Бабаевскому священнику Іакову Правицкому:

— 1785 Окт. 3, изъ Маначиновки. — Въ «Postscriptis»: Si descripsisti novos meos jam libellos: remitte ad me Archetypa. Etiam illum meum Dialogum: quem per aliis laudare soles: simul cum Archetypis mitte. Descriptus, ad te remittet iter Deo volente. Dicat ille Dialogus: Марко прѣпростый. —

Конечно, этотъ самый діалогъ помѣщенъ въ письмѣ, изъ Ольшанской Ивановки, подъ № 4; хоть онъ тамъ и названъ: неграмотный Марко. Объ этомъ же сочиненіи упомянуто и въ письмѣ 1786, Марта 30, изъ Маначиновки: — Пришли, Друже, такожде разговор. нарѣченный: Марко прѣпростый. Онъ возвратится паки к' тебѣ. Прѣтчія же: яко же тебѣ угодно: или нынѣ: или возмуться тогда: когда к вам прійду —

Въ слѣдующемъ письмѣ опять о немъ же и о *Лотовой женѣ*.

— 1786. Апр. 25. изъ пустыни Маначиновскія: — Не печись о разговоръ Маркъ. Онъ всегда ест' ваш: и возвратится в' твою книговранку. Лотову жену, хѣчется докончать. Однакъ привезу (привезу, а изъ этого Г. Хиждеу съѣлалъ «принесу», впрочемъ прочесть еще можно) с' собою: да написанное выпишите. Что бо мнѣ есть любезнѣе на небеси, или на землѣ: точию поучатся Святѣи? в' сей единой, да живу, и умираю. По малу — малу отходим отъ тлѣни плотскія: яже ест' блаженная и всеневная смерт': и приближаемся ко Гду: иже ест' Стыня, Кефа и Вскрсіе нше. Что убо ест' блаженнѣе жизни ншея: на ней-же собивается бное: * Положу Стрѣпотная ихъ во гладкая * Окрылатъютъ яко Орлы: потекутъ и не утрудятся Видѣ Диатрібу мою, Друже! Диатревіи Еллински нарицается то: чѣмъ кто главно жизни свою за-

бавляет. Вот Діатріба Давидова! * Поглумлюся в' запов.
твоих. Вот Пáвлова! * Мнѣ бо еже жити: Хрѣтос Вот
Лукинá и Клеóпы! * Како глут, Егò быти жíва? . . . О
О Вскрсніе! о оное Вскрсніе! Мýру невіруемое. Кол' усаж-
даєши сердце мое! Близен узрѣніи с' наперсникомъ кра-
соту твою. Ядущій тя, еще взáмчет Сіе глѹ того
ради, яко доканчавая жену Лотову: наслаждáтися имамъ,
нóваго винá, с' новимъ моимъ Лотомъ Хрѣстомъ Исусомъ: имѣя об-
рученіе с' нимъ во Вѣрѣ Бжіей. —

(О Лотовой женѣ упоминается и въ припискѣ къ письму).

— 1787 Январ. 18. изъ Гусинки: — Прості, любезный:
что солгалъ я прислать вамъ жену Лотову. Весною хочу
васъ посѣтит', аще Бгу угодно и привезу. Аще же: дайте
знат': тотчасъ перешлю. В' зимнихъ трусостяхъ можетъ она
потерѣться. Тѣмъ не дѣю чрезъ Григоріа Юріевича. Не пе-
чальтес'. Она всегда у васъ. Другое то, что весною въ пу-
стынѣ можно подумать объ окончаніи ся. а зимá безгодна.
Я и сіе с' нуждою пишу. —

(Слѣдующее письмо тоже о Лотовой женѣ. Выписываю
его вполнѣ, потому, что самъ Сковорода называетъ его
предисловіемъ къ этому же сочиненію:)

Изъ Гусинки 1787-го года: Марта 6 дня.

Любезный во Хрѣстѣ

Огче и брате и Дрúже Іáкове:

Веселіся во Господѣ!

Пришлите мнѣ Симфонію: Аще не увѣси самую тебѣ. . . .
Переписавъ: пакы отошлю к' вамъ. Посылаю к' вамъ жену
Лотову. Побесѣдуйте во Хрѣстѣ с' нею. Она чистая чист-
ымъ: и сей кумиръ ест' плодоносный вѣрнымъ Бжіимъ. На
нейто исполняется: отъ каменія воздвигнути чада Авраáму...

Она́ не доведена́ до конца́. Но кто́ дожде́тся конца́ в' прісно - теку́щем исто́чникѣ? А что́ я сказа́л, обеща́я оконча́ніе: сіе касает́ся до кни́жечки начато́й мно́ю, не до жены́. Сія кни́жечка учитъ: какъ — ли чита́тъ подобаетъ Священное пи́с'мо? Аще еди́н глаго́л Бжі́й уразумѣ́тся: тогда́ вес' храмъ Соломоновъ, ест' свѣтелъ. Во примѣръ сему́ взя́л я сіе: * Помина́йте жену́ Лѣтову. И толку́я сіе Слово: возму́тилъ всю́ Св. Писа́нія купѣ́л'. Да уразумѣ́ютъ спящі́и на би́блии: или́ с' Пауло́мъ сказа́тъ: почивающі́и на за́ко́нѣ: яко́ не мно́гочте́ніе дѣла́етъ насъ му́дрыми по мно́гожвані́ю прину́дило сказа́тъ сіе: како́ сей вѣ́ст' кни́ги, неучи́вся? И да позна́ютъ: яко́ еди́н день в тыся́щѣ, и вопре́ки: 1000 глаго́ловъ Бжі́их: во еди́ном глаго́лѣ сокрѣ́вается. Ны́нѣ же со жено́ю кровоте́чивою: мно́го жеру́тъ: для́ еди́ныя Диссенте́ріи: и нѣ́ст' и́м челв́ка: могу́щаго приложит' и́м Вкусъ плуно́вѣні́я: жва́нія и преломле́нія она́го: * зу́бы Его́, паче́ Млека́. * Позна́ся́ і́ма в преломле́ніи... Все́ дастъ вкусъ свой: и звѣ́зды в сокро́вищахъ своихъ блеснутъ: аще́ есмы́ от числа́ оныхъ: * Израи́л толча́ше Ма́нну в ступа́хъ. Во блаженное́ число́ сихъ люде́й, да ви́шпетъ Хресто́сь всѣ́хъ насъ! желаю́, вашъ все́йскренній братъ, и ни́жайшій слуга́:

Григорій Сковорода.

Postea scripsi.

Да наре́чется́ же сія кни́жечка: Жено́ю Лѣтовою! Предисло́віемъ же да́ будетъ, сіе́ мое́ к тебѣ́ пи́с'мо. О возлюбленній Дру́же! Тебѣ́ сію́ невѣ́сту безневѣ́стную: и чи́стую голу́бицу в даръ привожу́ пе́рвому: и тебѣ́ обручаю́, и́менемъ Гда́ Ншего́ Иису́са Хрста́! Прѣ́тчее при пере́пискѣ, повелѣ́вай

наблюдат' ортографію. Пáче же всѣ Ея листы хранит' от нечистоты. Цѣлуй Любѣзнаго Наемана Петровича: и всю ншу брáтію. Миръ въ днехъ ншихъ. Амѣн'!

(На томъ же листѣ и надпись:)

Господѣну моему
Іерѣеви, Іакову Правѣцкому
в' Бабайхъ.

— 1787 Окт. 7. изъ Гусинки — Вы, снитсѣ мнѣ, переписали Михайлову борбу. и паки требуете? Обáче посылаю.. Негли обряцете: чего ваша перепис' не образует. Не медлите же много. Обáче чрезъ невѣрныхъ руки не! не! не!

Эта *Михайлова борба* въ спискѣ письма 1790 Сент. 26. названа: бран' Михайлова со сатаною (*№ 9*).

— 1788 Авг. 4. изъ Гусин. Скрынницк. пустыни — Вотъ вамъ по желáнію вашему Херувѣмскія пѣсни Paraphrasis!

Тайновѣдныѣ Херувѣмаѣ соббразны
И животворящей Трѣицѣ пѣсн' принося:
Вѣдимый сей вес' мыр. извѣржимъ изъ сѣрдца:
Да вмѣстѣ невѣдимый: и Его Цря!
Окружаемаго и стрегома тмами,
Копѣеносныѣ Херувѣмъ и Серафимъ.
Аллилуя. Алли. Алли.

Дорофорѣо; есм' копѣеносныѣ лейб-гвардеромъ. Дорофоруменос сѣрѣч': окруженъ копѣеносною гвардією: или стро-емъ. Дориносима ест' Пол. Грека: а Пол Славяна. —

Къ этому прибавлю еще замѣчаніе о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Сковороды, пропущенныхъ въ письмѣ 1790 Сент 26.

— *О древнемъ Зміи или Библіи.* Списокъ сдѣланъ Священникомъ Θεодоромъ Залѣскимъ, 1763 года Декабря 10 дня, и хранится теперь въ библіотекѣ Харьковскаго Университета.

— *Начальная дверь ко Христіанскому доброуравію.* Написана въ 1766^{мъ} году для молодого шляхетства Харьковской Губерніи, а обновлена въ 1780^{мъ} году. Списокъ современный хранится у меня.

— *Садъ Божественныхъ пѣсней прозябшій изъ зернъ Священнаго писанія.* Въ моемъ списокѣ помѣщено 28 пѣсень. На нѣкоторыхъ означены годы, когда какая была сложена: 1я сложена 1757 лѣта; 14я древняя Малороссійская: о суетѣ и лести мірской — обновлена въ 1782 лѣтъ; 24я — Римскаго пророка Горация претолкована Малороссійскимъ діалектомъ въ 1765 году (*Etiam Divos rogat*); 25я — Отцу Гервасію Якубовичу отходящему изъ Переяслава въ Бѣлгородъ на Архимандритскій и судейскій чинъ въ 1758 годѣ; 26я — Епископу Іоанну Козловичу, входящему во градъ Переяслав. на престолъ Епископскій съ 1758; между пѣснями 26 и 27ю помѣщена мелодія — *Sarpen* (по Русски и по Латыни) на образъ зачатія Пречистыя Богоматери, воображена (сія мелодія) 1760 года. Въ списокъ, принадлежавшемъ Профессору Е. М. Филомафицкому, еще прибавлены пѣсни 29 и 30; надъ 29й подписано, что она сложена 1788 года Сентемрія 17 дня: въ селѣ Велик. Бурлукѣ.

— *Харьковскія басни.* Списокъ хранился у Профессора Филомафицкаго. Тамъ въ баснѣ 20 (Олень и Верблюдъ) сдѣлана приписка: Сія басня писана въ Свѣтлое воскресенье по полудни 1774 года въ Бабаяхъ. Да и всѣ басни

посвящены Правицкому письмомъ 1774 года на кануны Пятдесятницы; а Афан. Панкову посланы были 30 басней еще въ 1762 году Марта 4, изъ Сысханской пустыни.

Не странно ли, что въ списокъ письма 1790 года Сент. 26. не упомянуто ни объ одномъ изъ этихъ сочиненій, между тѣмъ какъ онѣ писаны между 1767 и 1785.

Кромѣ того не нахожу въ томъ списокѣ сочиненій еще нѣкоторыхъ:

— *Двухъ проповѣдей*: 1. Убуждшися видѣша славу его, и 2. Да лобжеть мя отъ лобзаній устъ своихъ.

— *Притча Еродій*, Въ ней разглагольствуетъ обезьяна со птенцомъ Еродіевымъ о воспитаніи.

— Толкованія изъ Плутарха: о тишинѣ сердца.

— Разговора: *Пря бѣса съ Варсавою*.

Нѣкоторыя изъ нихъ должны быть также отнесены ко времени до 1790 года. Я не упоминаю о другихъ, которыхъ я не читалъ.

Ворочаясь опять къ письмамъ. Онѣ писалъ ихъ много, писалъ большею частію къ людямъ, съ которыми любилъ бесѣдовать о предметахъ, занимавшихъ его умъ и сердце, которыхъ уважалъ и которыми самъ былъ уважаемъ, которые слѣдили его мысли и цѣнили его письма, какъ и отдѣльныя сочиненія. Вотъ почему между письмами Сквороды очень мало такихъ, въ которыхъ говорится только о случайностяхъ, незанимательныхъ для постороннихъ; вотъ почему списывали и ихъ, какъ и другія сочиненія; вотъ почему наконецъ любопытно было бы сколько нибудь полное собраніе ихъ, какъ сокращенный перечень если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ главныхъ его мыслей. Бу-

демъ ждать этого, а между тѣмъ вотъ нѣсколько отрывковъ изъ писемъ:

Самое старое изъ писемъ Сковороды мнѣ извѣстныхъ есть то, которое помѣщено передъ его книжкой *о древнемъ змѣ* или *Библии*. Оно писано къ какому-то Высокородио и во всякомъ случаѣ до 1763 года, когда это сочиненіе было списано Св. Θ. Залѣскимъ. Въ немъ читаемъ между прочимъ:

«Училъ своихъ друзей Епикуръ, что жизнь зависитъ отъ сладости и что веселіе сердца есть то животь чловѣку. — Силу слова сего люди не раскусивъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ обезславили Епикура за сладость и почти самаго его пастыремъ стада свиного, а каждаго изъ друзей его величали *Epicuri de grege porcus*. Но когда жизнь отъ сердечнаго веселія, а веселіе отъ сладости, тогда откуда зависитъ сладость, улаждающая сердце? изъясняетъ боговидецъ Платонъ: нѣсть сладчае истины. А намъ можно сказать, что въ одной истинѣ живетъ истинная сладость, и что она одна животворить и куражить владыющее тѣломъ нашимъ сердце. И не ошибся нѣкій мудрецъ, положившій предѣломъ между ученымъ и неученымъ предѣлъ: мертваго и живаго . . . Видно что жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, мня истину любить, изслѣдуетъ тропинки ея и встрѣтивъ око ея торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ. Жизнь есть плодоприношеніе прозябшее отъ зернъ истины, царствовавшія въ сердцахъ ихъ.

«Дѣтское есть сіе мудрствованіе, обличающее наглость и непостоянность блаженныхъ натуры, будто она когда-то

и гдѣ-то дѣлала то, чего теперь нигдѣ не дѣлаетъ и впредь не станеть.

«Всякая мысль педлю какъ змѣя по земли ползеть, но есть въ ней око голубицы взирающее выше потонныхъ водъ на прекрасную ипостась истины.

— «Изъ письма къ Іакову Правицкому изъ Маначиновки 1785. года Окт. 3. можемъ взять образецъ Сковородиноѣ Латыни:

— «*Omnia prætereunt: sed Amor post omnia durat.*

Omnia prætereunt: haud Deus haud et Amor.

Omnia sunt aqua. cur in aqua speratis Amici?

Omnia sunt Aqua. sed Portus Amicus erit.

Hæc Kephâ tota est fundata Ecclesia christi.

Isthæc et nobis Képha sit atque Pétra. etc.

Поздравляя съ новымъ годомъ, Сковорода писалъ къ Правицкому, 1787 года Янв. 18 изъ Гусинки:

Дх прав обновѣ во утробѣ м. Аще кто не имѣетъ новаго сердца: тому весь миръ естъ Вѣтха Вѣтомъ. Аще чѣѣ Дша тужитъ: тому весь миръ плачетъ. Аще чѣѣ сердце мучится и страждетъ: тому весь годъ безъ праздника. Аще чѣѣ Дх отчаяніе оледенѣло: тому весь годъ безъ весны. Аще чѣѣ смыслъ мертвый: тому весь Вѣкъ безъ живота. О любезный мой Друзе Іакове! Изблѣймо ветхій квасъ мырскій. Стяжѣмъ новое Сердце. Облещѣмся въ одежду новаго нетлѣннаго Надежды: во утробу Братолюбѣя. Тогда на^{мъ} вся тварь просвѣтитъ: весь миръ заиграетъ и возкачетъ. Будетъ намъ всякъ Денъ Великъ - Денъ.

Мысль о любви очень часто оживляла слово Сковороды. Вотъ и еще Латин. стихи изъ письма его къ тому же Правицкому 1788 авг. 4.

Corpore sum procul a Vobis: at corde propinquus.

Cor est in nobis, vera columba Noë.

Nil est tam mirum: quam sancti cordis abyssus.

Tunc est Sanctum: cum se modo magnificat.

Omnia sunt foenum, furfur: sunt pulvis et umbra.

Omnia prætereunt. Corde perennis homo.

Purum cor in Amore manet: sed Amor stat in hocce

Ast Amor hic, Deus est. Ergo perennis homo.

O homines! Cur oceanum: cur astræ stupetis?

Ite! redite domum! Noscite vos! Sat erit. Amen!

Въ 1835 году въ Телескопѣ, журналѣ впрочемъ занимавшемъ по справедливости одно изъ самыхъ блестящихъ мѣстъ въ нашей журналистикѣ, была помѣщена статья о Сковородѣ (№ 5 и 6) въ которой хоть и очень хорошо выказывается умъ и начитанность автора, А. Θ. Хиждеу, но которая тѣмъ не менѣе, не смотря на всю свою занимательность, оболгала Сковороду. Ему приписано тамъ много такихъ мыслей, которыхъ онъ и имѣть не могъ, а между тѣмъ читатель убѣждается ссылками на сочиненія и письма Сковороды. Нѣкоторыя изъ ссылокъ я повѣрялъ, и въ подлинникахъ не находилъ вовсе того, что авторъ тамъ начитывалъ, или что оттуда выписывалъ; послѣ того и о другихъ я не могъ не сомнѣваться. Такъ между прочимъ упоминаетъ авторъ о трехъ письмахъ Сковороды къ Архiepiscopу Георгію Конисскому: одно отъ 1769 Іюля 29 изъ Нѣжина, другое изъ Бурлука отъ 1789 Маія 5, и третье, безъ числа (№ 5 стр. 20). Не знаю, вѣлъ ли Сковорода переписку съ Конисскимъ, — можетъ быть и вѣлъ; едва ли впрочемъ могъ онъ написать

16*

къ нему: «Меня хотятъ мѣрить съ Ломоносовымъ. и говорятъ обо мнѣ: какая онъ малость! какая онъ низость! Будто бы Ломоносовъ есть казенная сажень» и пр. О письмѣ 1789 Маія 5, Хиждеу говоритъ вотъ что: «Помни послѣдняя; помню и исповѣдуюся тебѣ, Господи»: такъ называется сочиненіе Сковороды, которое есть родъ автобіографической его записки. Оно написано по желанію Архіеп. Георгія Конисскаго въ видѣ письма къ нему отъ 8 Маія 1789 годѣ изъ Бурлука (№ 5 стр. 12). Точно ли писалъ Сковорода сію записку? Могъ ли не сообщить онъ ее Правицкому, Курдюмову, или кому другому изъ своихъ любимцевъ? Если сообщилъ, то отчего никто о ней не знаетъ? Если же не сообщалъ, то откуда могъ достать ее Хиждеу, писавши статью въ Харьковъ, и не имѣя никакихъ средствъ пользоваться бумагами Конисскаго? Во всякомъ случаѣ, до тѣхъ поръ пока не явится на свѣтъ вся эта записка, можно безъ грѣха считать ее не существующею. Кстати еще вопросъ: читалъ ли кто нибудь сочиненіе Сковороды: *Книжечка о любви до своихъ, нареченная Ольга Православная* (№ 6 стр. 156) или *разговоръ его о внутреннемъ человѣкѣ и симфонію о народѣ?* (№ 6. стр. 167).

Не могу однако не сознаться, что статья Хиждеу о Сковородѣ есть самая ученая изъ всѣхъ, доселѣ написанныхъ, и для всякаго посторонняго читателя не можетъ не показаться очень занимательною. Жалью самъ о себѣ, что не могу ее читать такъ, какъ читалъ или прочтеть тотъ, кто не могъ быть знакомъ съ сочиненіями самаго Сковороды.

И. Срезневскій.

Р В Ч Ъ,

говоренная Августа 31 дня 1802 года въ Собраніи Харьковскаго Дворянства Депутатомъ его, Коллежскимъ Советникомъ В. Н. Каразнымъ, испросившимъ Высочайшее соизволеніе на основаніе въ городъ Харьковъ Университета.

Благодарность! Она будетъ предметомъ, которымъ я Васъ занять осмѣливаюсь, благородное и высокопочтенное собраніе. Она наполняетъ мое сердце. О, ежели бы я могъ измѣнить изъ него чувствованія съ тою силою, которая убѣждаетъ души, которая дѣлаетъ истину торжествующею.

Пріятно возвращеніе въ свою отчизну: и дымъ отечества сладокъ! — Если дикій Гренландецъ, не бывъ прельщенъ цвѣтущими полями Европы, ни великолѣпными ея зданіями, ни блескомъ роскоши, съ восторгомъ лобызаетъ замерзшій морской берегъ, который есть его отечество; ежели жестокость природы не могла его отвратить отъ климата, его воспитавшаго: то каково должно быть удовольствіе человека, возвратившагося подъ благотворный небосклонъ, который былъ свидѣтелемъ игръ и утѣхъ его дѣтства — изторгнувшагося изъ шума столицъ, коего мирное его сердце всегда ужасалось, въ страну, которую привыкъ онъ почитать Эдемомъ, обиталищемъ невинности и дружбы и спокойствія? — ... Таковы были мои чувствованія, Милостивые Государи! таковы бываютъ онъ каждый разъ, когда удастся мнѣ навѣщать благословенные Небомъ и землею наши предѣлы. Но сколь возвышены

онъ обстоятельствами нынѣшняго времени! Я имѣю счастье быть возвѣстителемъ воли благодѣтельныйшаго изъ Монарховъ. Мнѣ позволено сказать Его устами, что подвигъ, предпринимаемый нашимъ обществомъ, пріятенъ Ему; что онъ съ свойственною Ангельской душѣ Его милостію ожидаетъ исполненія нашихъ донесенныхъ Ему обѣтовъ Государству. Сіе чувство радости и надежды, упоившее меня уже при посѣщеніи края моего рожденія, угодно было вамъ усугубить благосклоннѣйшимъ пріемомъ, котораго вы меня удостоили въ первое собраніе, когда я представилъ вамъ предначертаніе того учрежденія, коимъ вы хотите украсить свою страну — отличить ее въ пространной Россіи. Позвольте, М. Г. изъяснить вамъ глубочайшую и совершенную Мою благодарность. Не увѣрю васъ, что умѣю ее чувствовать и цѣнить ваше благоволеніе. Вся жизнь моя посвящена будетъ на доказательства въ томъ. Она принадлежитъ моему отечеству, но въ особенности краю, который былъ отечествомъ для понятій моей юности; ибо чувствованія, признаться должно, ослабѣваютъ по мѣрѣ обширности предметовъ. По слабости человеческой природы ищутъ онѣ стѣснить кругъ, который обнять имъ должно. Сверхъ того, кто я, что бы смѣлъ мнѣ вообразить, будто дѣятельность моя когда либо можетъ имѣть примѣтное вліяніе на все обширное мое отечество? Блаженъ уже стократно, ежели случай поставилъ меня въ возможность сдѣлать малѣйшее добро любезной моей Украинѣ, которой пользы столь тѣсно въ понятіи моемъ сопряжены съ пользами исповинской Россіи. Такъ, М. Г., я смѣю думать, что Губернія наша предназначена развить вокругъ себя чувство изящности и просвѣщеніе.

Она можетъ быть для Россіи то, что древніе Аѳины для Греціи. Мѣстное положеніе дѣлаетъ ее средоточіемъ полуденныхъ, плодороднѣйшихъ земель. Богатство собственныхъ произведеній — сіе богатство, котораго по недостатку водяныхъ путей не можемъ дѣлить съ мѣстами, менѣе плодоносными въ Россіи, — призываетъ къ намъ людей, которые наслаждаясь нашими благами, раздѣляя ихъ съ нами, дали бы намъ въ замѣну вкунать плоды своего ума, своего искусства, своихъ промысловъ. Извѣстны способности единоземцевъ нашихъ: — въ столицахъ привыкли почитать таланты природнымъ нашимъ достояніемъ. Благотворенъ нашъ воздухъ, кротокъ нашъ климатъ, удобенъ прельстить самыхъ иностранцевъ, которыхъ мы пригласимъ къ себѣ. Земля представляетъ величайшую готовность для заведеній всякаго рода — науки и художества водворятся въ нашей отчизнѣ; онѣ почтутъ ее своею собственною; онѣ воспомянутъ священную для нихъ Грецію, которая начально передала ихъ полуденному краю Россіи въ то время, когда прочая Европа утопала еще въ невѣжествѣ и варварски лила кровь народовъ; онѣ въ забвеніи восторга скажутъ: «Греція, отечество наше, намъ возвращена!» Я полагалъ, М. Г., что отъ насъ Имперія будетъ заимствовать златоустыхъ наставниковъ въ Слово Божіе и правахъ; что мы дадимъ ей просвѣщенныхъ изяснителей воли царской; что мы посадимъ мудрость въ судахъ; что купцы, желающіе отличиться въ промыслъ своемъ и быть достойными совѣстниками иностранныхъ, придутъ почерпать у насъ познанія, что отъ насъ изыдутъ Витин, Стихотворцы прославить добродѣтель и благословенное нынѣшнее Правленіе; что мы доставимъ воспита-

телей Россійскому юношеству; что мы умножимъ число Врачей, которыхъ одно приближеніе къ одру страждущаго даетъ надежду и отраду; что ученые, измѣряющіе теченіе свѣтилъ небесныхъ и силу природы, у насъ будутъ образоваться. Я смѣлъ еще мечтать, что необыкновенное стеченіе украсить, распространить сей городъ и зависящіе отъ него — наполнить ихъ всеми утѣхами, собственными Просвѣщенному обществу; что богатства всѣхъ краевъ Россіи польются къ намъ рѣкою; что изобиліе и радость будутъ имѣть у насъ вѣрное приобъжище; что мы прославимся въ единоземцахъ, друзьяхъ, чадахъ нашихъ; что мы покажемъ собою примѣръ, который воспламенитъ къ подражанію; что благодарность, должная дань сердецъ нашихъ высокому нашему Благотворителю, воздвигнетъ памятникъ, несравненно тверже мрамора и мѣди — памятникъ свѣтозарный, на который всегда съ признательнымъ удивленіемъ будетъ взирать потомство. Благодарность, сіе чувство, предметъ моего слова, обязываетъ насъ къ засвидѣтельствуванію ея предъ лицомъ свѣта. И чѣмъ можемъ мы достойнѣе воздать оную Ангелу щедротъ и милостей, который нынѣ владѣетъ нами? Самъ онъ въ нѣкоторой части пожертвовалъ намъ возвращеніемъ правъ, которыя время начало уже заглаждать, — которыхъ паденіе въ пользу сокровищъ Его столько разъ было близко. И мы ли не вознаградимъ Его? Мы ли дадимъ поводъ всей Сѣверной Россіи возопить: «неблагодарные! скудны поля наши; мразъ воспріящаетъ у насъ произрастить плодамъ Цереры; «въ потъ лица денноночно трудясь, приносимъ мы Государству дань, отъ которой вы свободны, — и вы, которыхъ лелѣетъ Природа; вы, которымъ дать она всѣ

«средства превзойти насъ, — вы не хотите и сравняться съ нами; вы отрицаетесь воспользоваться счастливымъ «вашимъ положеніемъ, драгоценнѣйшимъ взоромъ Монарха, «обращеннымъ на васъ — вниманіемъ столицъ, кои, внявъ «намѣренію вашему, ожидали событія!»

Простите, М. Г., дерзновеніе мое: самыя сіи мысли подкрѣпленныя убѣжденіями, занятыми отъ надежды, которую я имѣлъ на благородное наше общество, обнаружилъ я и предъ Августѣйшимъ Монархомъ. Исполнители Его человеколюбивыхъ и мудрыхъ велѣній увѣрили меня, что пріятно ему было назначить Украину средоточіемъ просвѣщенія, долженствующаго излиться на сопредѣльныя Губерніи. Высокопочтенное Собраніе! неужели обвините вы меня за высокія мысли, которыя отъ юности моея питаль я о странѣ нашей? неужели найдете вину мою въ смѣломъ изъясненіи готовности благонамѣреннаго, всегда усердіемъ отличавшагося сословія, въ кругу котораго имѣю честь говорить теперь? Воля ваша, изображенная въ отзывахъ, которыхъ я былъ удостоенъ, не должныли была уполномочить меня дѣйствовать предварительно? Не долженъ-ли я былъ съ удостовѣреніемъ предстать предъ отцевъ семейства, когда я имъ сказать могъ, что желаніе благотворительнѣйшаго Монарха сходитъ съ ихъ желаніемъ— предъ друзьями своего края, чувствующихъ въ полной мѣрѣ все его достоинство? Представлю ли вамъ еще, что я не имѣлъ въ виду ничего, кромѣ блага отечественнаго и выгоды нашей земли, кромѣ славы благороднаго сего общества предъ лицемъ Просвѣщеннѣйшаго изъ Владыкъ земныхъ, поставившаго просвѣщеніе народа одною изъ первыхъ своихъ обязанностей,—славы въ очахъ пространной

Россіи, въ очахъ Европы цѣлой, которая должна свѣдать, къ какимъ пожертвованіямъ способно дворянство Слободской губерніи! Представляю ли вамъ, что я не столько низокъ въ душѣ, судя по моимъ понятіямъ, по самому политическому моему положенію, чтобъ питать намѣренія личности, внѣ которой я рѣшительно себя поставилъ при вступленіи моемъ въ общество?

Отъ васъ зависитъ теперь, Высокопочтенное Собраніе! оправдать меня или предать стыду и отчаянію. Здѣсь предстою предъ вами въ лицѣ вашего друга или преступника.
